

Арина Деревянская

СЛЕДОВАТЕЛЬ
— и —
ШАРЛАТАНКА

Рецепт смерти

Арина Деревянская

**Следователь и Шарлатанка.
Рецепт смерти**

«Автор»

2026

Деревянская А.

Следователь и Шарлатанка. Рецепт смерти / А. Деревянская —
«Автор», 2026

Петербург, 1886 год. Она не верит в духов. Она верит в золото. Тоска вдов платит за её туалеты. Отчаяние матерей - за бриллианты. Каждый вечер мадам Помпадур продаёт аристократам право говорить с мёртвыми. Он верит только в закон. Волков ненавидит ложь до зубовного скрежета. Её ложь пахнет деньгами и чужим горем. Для него она - мошенница, по которой плачет решётка. Для неё он - зануда в мундире. Но убит профессор, называвший её ремесло «развращением умов». Улики ведут к ней. Театральные, как премьера в Александринке. Ей плевать, что думает этот следователь. Но если она хочет выжить - придётся помочь законнику. Если он хочет узнать правду - придётся довериться мошеннице. Вместе они отправятся туда, где за красивыми фасадами прячутся вещи, от которых стынет кровь. Чем ближе к разгадке, тем тоньше грань. Между ненавистью и страстью. Между долгом и желанием. Между тем, чтобы отправить её за решётку - и чтобы никогда не отпускать. Тоска платит золотом. Но правда иногда стоит дороже.

© Деревянская А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Спиритический сеанс	5
Глава 2. Визит полиции	11
Глава 3. Казанская часть	17
Глава 4. Кабинет начальника	23
Глава 5. Место преступления	29
Глава 6. Вдова	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Следователь и Шарлатанка. Рецепт смерти

Глава 1. Спиритический сеанс

Петербург, 1886 год, октябрь

Она всегда знала: люди платят не за иллюзию.

Люди платят за надежду, что смерть — это не конец. Что за порогом есть кто-то, кто ждёт, слушает, помнит. Что их слёзы не упали в пустоту.

Она всегда знала: люди плачут не оттого, что верят.

Люди плачут оттого, что не могут поверить до конца, и от этого им становится так страшно, что слёзы сами бегут по щекам, оставляя мокрые следы на пудре. Мадам Помпадур видела эти следы каждый вечер. Каждый вечер она брала батистовый платок, надушенный розовой водой, и промокала темное кружево перчаток, на котором оставалась тушь и чужая тоска.

Она не верила в духов.

Но она верила в тоску — бездонную и тёмную, ту, что заставляет вдов приносить последние серьги, лишь бы услышать шёпот с того света. Тоска была настоящей. Тоска платила золотом.

***

Особняк на Фонтанке, который городские сплетники уже окрестили «Помпадурским гнездом», встречал гостей ровно в девять.

У подъезда уже толпились извозчики, переговаривались вполголоса, косились на окна первого этажа, где за тяжёлыми портьерами цвета запёкшейся крови, горели свечи. Свет сочился сквозь щели, дрожал, переливался, и редкий прохожий не замедлял шага, провожая взглядом этот таинственный, манящий огонь.

Внутри было тепло, почти душно.

Медные канделябры, привезённые когда-то с Лиговского аукциона еще в годы нужды, тонули в воске десятков свечей. Пахло ванилью, миртом и слегка сыростью, которая в октябре забиралась даже в самые богатые дома Петербурга.

Бархатные драпировки делали гостиную похожей на внутренность старинной шкатулки с секретом. Мебель красного дерева поблёскивала в полумраке лаковыми боками. На стенах, обитых штофом, висело несколько картин. Все они изображали итальянские пасторали с обязательными руинами и кипарисами. Мадам Помпадур купила их на вернисаже за бесценок у полуголодного художника. Он клялся, что это подлинный Каналетто. Девушка рассмеялась ему в лицо, но картины взяла. Они создавали нужное ей настроение сладкой, благородной печали.

В центре гостиной, под тяжёлой люстрой, которую никогда не зажигали, стоял круглый стол из мореного дуба. Ножка его была искусно подточена: в нужный момент мадам Помпадур могла нажать коленом потайную пружину, и столешница начинала мелко, едва заметно вибрировать. «Духи гnevаются», — шептали гости. Мадам Помпадур опускала глаза и прятала улыбку в кружевной платок.

Шестеро гостей сидели вокруг стола, почти касаясь локтями.

Графиня Шереметева, вся в чёрном крепе, напоминала старую, подкопчённую ворону. Траур она носила уже полтора года, с тех пор как умер её сын Николай. Говорили, что графиня не сняла траур даже на Пасху и что спальню покойного велела запереть и никого туда не пускать, даже горничных. Пальцы её, унизанные кольцами с чёрными камнями, судорожно сжимали медальон с прядью волос.

Купец Елисеев сидел напротив, маялся, то и дело перекладывал перчатки с места на место. Был он плотен, красен лицом, с тяжёлой золотой цепью на животе и короткими, обку-

санными ногтями. Елисеев пронёс эту дурную привычку с мальчишества, когда он ещё бегал в подмёточных учениках у немца-сапожника. Полгода назад схоронил жену, и город наполнился слухами: будто Пелагея Васильевна умерла не своей смертью, будто нашёл её управляющий в кабинете, с перекошенным лицом, и что шкатулка с векселями бесследно исчезла. В глаза Елисееву никто этого не говорил, но за спиной шептались, и он знал об этом. Знал и мучительно искал способ доказать, что чист.

Баронесса фон Мекк, высохшая, как прошлогодний гриб, тянула костлявые пальцы к центру стола. Сорок лет вдовства не смягчили её, напротив, сделали лишь ворчливее. Она не верила ни одному петербургскому медиуму, перебивала у всех, от знаменитого Юма до проезжего негра-факира, и каждый раз уходила разочарованной. Но возвращалась снова. Говорили, что муж её, статский советник, покойный вот уже сорок лет, явился ей во сне и обещал вернуться. Она ждала. Сорок лет — срок немалый, чтобы выучиться отличать подлинный голос с того света от искусной подделки. Баронесса была опасна.

Двое молодых гвардейцев, князя Трубецкой и Оболенский, приехали компанией ради острых ощущений и, судя по блеску в глазах, надеялись, что духи явят себя в декольте мадам. Декольте, надо сказать, было великолепно. Оба высоки, стройны, в мундирах, пахнущих одеколоном от Брокера. Трубецкой, светловолосый, с чуть брезгливым выражением красивого лица, уже бывал у мадам Помпадур и теперь делал вид, что все эти духи — вздор, а пришёл он лишь для того, чтобы проводить кузину. Оболенский, напротив, глазел по сторонам с откровенным любопытством.

Она явилась из полумрака, так бесшумно, что сначала дрогнул воздух, и только потом гости поняли: началось. Чёрный шёлк струился по её фигуре, как вода, открывая плечи, ключицы, ложбинку, уходившую в глубину наряда настолько дерзко, что даже портрет императрицы Марии Фёдоровны на стене, казалось, осудительно поджал губы. Мушка под левым глазом — чёрный бриг, пришвартованный у фарфоровых берегов. Тёмные, с поволокой глаза и тронутые усмешкой алые губы.

— Господа, — раздался её негромкий голос. В нём смешивались шелк и металл, и трудно было понять, что сейчас прозвучит: благословение или пощёчина.

— Духи сегодня щедры. Я чувствую их за порогом. Им не терпится войти.

Графиня Шереметева издала горлом какой-то булькающий звук, похожий не то на всхлип, не то на икоту.

Мадам Помпадур опустила в кресло напротив гостей. Движение было отточено, словно она репетировала его сотни раз перед высоким зеркалом в будуаре. Чёрные, длинные до локтя кружевные перчатки коснулись столешницы.

— Тишина. И ни слова, пока я не разрешу.

Мадам Помпадур закрыла глаза.

Она делала это каждый раз, и каждый раз это был риск. В темноте, под сомкнутыми веками, исчезали лица, свечи, бархат — оставались только голоса. И тишина. Та особенная тишина, когда шесть человек перестают дышать и ты слышишь лишь, как потрескивает фитиль да стучит твоё собственное сердце.

Но зато в этой темноте хорошо думалось.

Досье, выученные наизусть, всплывали перед внутренним взором, как страницы раскрытой книги.

Графиня Шереметева. Потеряла сына в апреле прошлого года. Николай, девять лет, единственный наследник. Чахотка. Лечился в Давосе, потом в Монтрё. Всё бесполезно. Графиня каждый четверг заказывает панихиду в Казанском соборе, каждую субботу — спиритический сеанс. У неё слабое сердце, она принимает настойку наперстянки, тридцать капель утром и вечером. Ест мало, спит ещё меньше. В медальоне лежит светлая, тонкая прядь волос. Николай был блондином, в мать.

Купец Елисеев. Жена умерла внезапно шесть месяцев назад, вскрытие не делали. Врач, подписавший свидетельство, получил щедрый гонорар. Елисеев не смотрит на медальон с портретом покойницы, он смотрит на руки мадам Помпадур. Проверяет, не фальшивит ли. Скептик, но скептик на крючке. Через три минуты он поверит во что угодно, лишь бы она сказала, что жена простила ему векселя. Шкатулка, кстати, у Серафимы, хористки из «Буффа». Пышная, глупая блондинка — векселя ей без надобности, она и не знает, что с ними делать.

Баронесса фон Мекк. Сорок лет ждёт голоса покойного мужа. Глуха на левое ухо. Если говорить тише, наклоняясь вправо, она слышит то, что хочет слышать.

Гвардейцы. Трубецкой и Оболенский. Явились за острыми ощущениями. Не опасны, полезны — разнесут по гостиным, какая мадам Помпадур удивительная, как духи говорили устами её, как плакала графиня. Реклама. Бесплатная и надёжная.

Мадам Помпадур сделала глубокий вдох, чуть склонила голову к правому плечу — жест, означавший, что она прислушивается к голосу, который слышит только она.

— Я слышу шаги... Лёгкие, быстрые. Молодые.

Графиня Шереметева подалась вперёд, и кресло под ней жалобно скрипнуло.

— Он бежит ко мне. Бежит по траве... Там солнце, очень яркое солнце, и цветы... какие же там цветы, господи...

— Эдельвейсы, — выдохнула графиня. — В Швейцарии эдельвейсы. Николенька писал мне... он писал, что нарвал целый букет и засушил в книге...

— Он говорит: «Мама».

Голос мадам Помпадур стал тоньше и выше, превратившись почти мальчишеский. Она учила этот голос три вечера, слушая, как шепелявят молодые господа в Английском магазине. А Николенька Шереметев шепелявил. Это было следствием сломанного в детстве зуба, о котором графиня упомянула на прошлом сеансе в приступе откровенности.

— Я не хотел уходить, — продолжала мадам Помпадур голосом мёртвого мальчика. — Я держался за тебя, мама, но руки разжались. Прости меня.

Графиня беззвучно заплакала крупными, редкими слезами, которые катились по щекам, смывая пудру, и падали на чёрный креп платья, оставляя тёмные влажные пятна.

— Я вижу тебя каждый четверг, мама. Я стою у свечи и жду, когда ты поднимешь глаза. Ты не поднимаешь. Ты смотришь в пол и плачешь. А я здесь. Я всегда здесь.

— Коленька! — графиня рванулась вперёд, едва не опрокинув стол. — Я здесь! Я...

— Тише, — голос мадам Помпадур мгновенно стал твёрдым. — Вы пугаете его. Он уже уходит.

Графиня зажала рот руками. Плечи её тряслись, но она не издавала ни звука.

Мадам Помпадур помедлила. Ровно столько, сколько нужно, чтобы слёзы успели выступить у всех, кто ещё сомневался. Баронесса фон Мекк, похожая на музейную восковую фигуру, смотрела на неё немигающим взглядом. Купец Елисеев мял перчатки с такой силой, что тонкая кожа, казалось, вот-вот лопнет. Гвардейцы притихли, забыв и о декольте, и о табаке.

Мадам Помпадур плавно повернула голову вправо.

— Я вижу женщину. Тёмные волосы, гладко зачёсаны назад. В ушах тройной жемчуг. На шее вижу брошь. Это... камей?

Елисеев побелел так, что даже золотая цепь на животе показалась тусклой.

— Она держит шкатулку, — продолжала мадам Помпадур. — Красное дерево, инкрустация перламутром. Шкатулка открывается. Там бумаги, много бумаг. Она говорит: «Я знаю, Стёпа. Я всегда знала и жила с этим».

Купец дышал часто и поверхностно, как застуканный мальчишка. Лицо его, обычно румяное, стало серым.

— Она... она сердится?

— Нет, — мадам Помпадур снова чуть склонила голову к правому плечу, будто прислушиваясь к голосу, которого никто, кроме неё, не слышал. — Она говорит: «Я устала сердиться, Стёпа. Двадцать лет сердиться — это слишком долго. Я хочу мира. Отпусти меня. И шкатулку тоже отпусти».

Елисеев длинно, со свистом выдохнул, будто из него выпустили воздух. И заплакал по-бабьи, не стесняясь, размазывая слёзы по щекам мятыми перчатками.

— Пелагеюшка... Пелагеюшка, прости Христа ради...

Сеанс длился ещё час.

Мадам Помпадур говорила разными голосами — молодыми и старыми, мужскими и женскими, строгими и ласковыми. Она передавала поклоны от бабушек и дедушек, утешала безутешных, обещала встречи за гробом. Она сказала баронессе фон Мекк, что муж её ждёт, но не может назвать время, ведь духам время неподвластно. Баронесса уехала разочарованной, но уже строила планы на следующий сеанс. Она приедет снова. Она всегда приезжает.

Гвардейцы унесли с собой воспоминание о декольте, которого хватило бы до самого Рождества, и несколько фраз, которые можно будет пересказывать на офицерском собрании, понижая голос до заговорщического шёпота. Графиня Шереметева увозила в ридикюле обещание, что Николенька ждёт её у врат рая и они непременно встретятся. Может быть, даже скоро, потому что духи говорили загадочно, а мадам Помпадур, проводив графиню до кареты, долго смотрела вслед и молчала.

Купец Елисеев оставил на подносе в прихожей сумму, от которой у Груши, служанки мадам Помпадур, перехватило дыхание. Пятьсот рублей ассигнациями, хрустящие, новенькие, пахнущие типографской краской.

— Неси в спальню, — коротко бросила девушка, мельком взглянув на деньги. — В шкатулку, где жемчуг.

***

Гости разъехались.

Особняк на Фонтанке погружался в темноту. Груша, шаркая войлочными туфлями, тушила недогоревшие свечи, смахивала со стола огарки и ворчала что-то себе под нос. Медные канделябры тускнели и остывали, распространяя по комнатам тяжёлый запах сажи и ванили.

Груша была стара, толста и неграмотна. Крепостное детство в глухой тверской деревне не оставило ей даже умения складывать буквы в слова. Газет она не читала, но слушать умела как никто. Уши у Груши ценились мадам Помпадур гораздо сильнее, чем ее работа прислугой. Что на кухне сказали, что в лавке услышали, что городской на углу пробормотал, заступая на дежурство, — всё оседало в её цепкой, не знающей письма памяти, чтобы вечером, подавая барышне шоколад, быть изложенным обстоятельно, неторопливо, с мельчайшими подробностями.

Мадам Помпадур устало опустилась в кресло у себя в будуаре и, не стесняясь присутствия служанки, потянулась, хрустнув позвонками.

— Четверг, кажется, вымотал меня сильнее обычного.

Кружевные перчатки отправились на столик, брошенные небрежным, усталым жестом. Волосы, ещё минуту назад уложенные в сложную башню, осыпались на плечи чёрным, чуть выющимся шёлком. Мадам Помпадур запустила в них пальцы, массируя голову, зажмурилась на мгновение.

Груша уже стояла рядом с серебряным подносом.

— Шоколад, барышня.

— Ах, Груня, золото моё, сокровище, — мадам Помпадур приняла чашку и вдохнула горьковатый, сладкий пар. — Что бы я без тебя делала.

— Сгинули бы, барышня, — без тени лести ответила служанка. — В гололедицу запомнили бы калоши надеть и простудились бы насмерть.

Мадам Помпадур фыркнула в чашку.

Шоколад был горячий и густой, сваренный на сливках с добавлением корицы и чуть-чуть, щепотку на кончике ножа, перца. Груша знала, как барышня любит: чтобы обжигал, чтобы с губ срывалось дыхание, чтобы потом долго сидеть с закрытыми глазами и чувствовать, как тепло растекается внутри.

— Ну, — сказала мадам Помпадур, отпив половину и поставив чашку на блюдце. — Не томи. Что в городе?

Груша помялась, переступила с ноги на ногу. Войлочные туфли зашелестели по паркету.

— Убили, барышня. Профессора.

— Профессора? — изящная черная бровь мадам Помпадур поползла вверх. — Какого ещё профессора? У нас их в Петербурге пруд пруди.

— Брелова, барышня. Иннокентия Вениаминовича. Из Императорской военно-медицинской академии. Того самого...

Груша запнулась, подбирая слова. Сегодня утром, бегая в булочную на Невский, она слышала, как два приказчика в мясной лавке переговаривались через прилавок. «Брелова-то, слышал?» — «Да что ты?» — «В смирительной рубашке нашли. И надпись какая-то выжжена». — «Эксперимент, что ли?» — «Эксперимент. Духи, говорят, разгневались».

Груша пересказала это барышне, стараясь не переверять слова.

— Того самого, что в газетах писал... — она сделала неопределённый жест рукой, — против нашего дела. Что спиритизм, мол, вредно для барышень и всё такое.

Мадам Помпадур замерла с чашкой у губ.

— «Спиритизм — зараза», — процитировала она без интонации. — «Осторожно: медиумы». «В защиту нежных барышень». Этот профессор?

— Он самый, барышня. — Груша вздохнула, перекрестилась под фартуком. — Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего Иннокентия, прости ему прегрешения вольные и невольные...

— Не торопись, — оборвала её мадам Помпадур. — Сначала расскажи толком. Как убили? Где? Когда нашли?

Груша рассказала всё, что слышала. Путано, сбивчиво, перескакивая с пятого на десятое, так, как умеют рассказывать только неграмотные старухи, цепляясь не за факты, а за подробности, которые показались им важными. Что профессор сидел в кресле, мокрый, будто его окатили из ведра. Что рубашка на нём была смирительная, тесёмки завязаны крепко-накрепко. Что на столе, чёрном от копоти, выжжено одно слово. И что вода — в кабинете была вода, служанка, которая убиралась утром, сказала кухарке, а кухарка — дворнику, а дворник — городовому, а городовой уже всем.

— Вода? — переспросила мадам Помпадур. — Какая вода?

— А Бог весть, барышня. Бесовщина какая. Видать зря он на брата вашего такими-то словами.

Мадам Помпадур надолго ушла в свои мысли. Шоколад в чашке остыл. Груша переминалась с ноги на ногу, не решаясь напомнить о себе.

— Подумаешь, — сказала наконец девушка. Голос её звучал почти скучающе. — Одним ханжой меньше.

Она взяла с подноса «Петербургский листок», который Груша предусмотрительно прихватила в булочной для барышни. Развернула, пробежала глазами заметку на третьей полосе. Ничто не выдавало её эмоций. Только пальцы чуть сжали край листа.

— Смирительная рубашка, — повторила она вполголоса. — Вода в лёгких. Надпись «эксперимент». Труп нашли сегодня утром. Духи, значит, разгневались.

— Бедный профессор. Всю жизнь боролся с предрассудками, а умер от красивой легенды, — коротко хохотнула она.

Груша молчала. Она не понимала, смеяться тут или плакать, и потому стояла столбом, перебирая под фартуком чётки, сработанные ещё покойным батюшкой из можжевельных бусин.

— Иди, — сказала мадам Помпадур тихо. — Я хочу побыть одна.

Груша бесшумно растворилась в тёмных драпировках.

Свечи догорали. Оплывший воск застывал на подсвечниках белыми наплывами, похожими на слёзы. В камине тлели угли. Они переливались красными и желтыми всполохами, точь-в-точь как глаза кота, который давно уже спал на подушке у ножки кресла.

Она сидела неподвижно. Газета лежала на коленях, и девушка задумчиво обводила пальцем заметку о смерти профессора Брелова.

— Интересно, — произнесла она в пустоту. — Кто же тебя так не любил, Иннокентий Вениаминович?

Кот шевельнул ухом, не открывая глаз.

Свеча на столике догорела и погасла, оставив после себя тонкую струйку дыма. В темноте мадам Помпадур сидела ещё долго. О чём она думала, не знал никто. Даже Груша, которая умела слушать, на этот раз не подслушивала.

Глава 2. Визит полиции

Утро на Фонтанке начиналось поздно.

В этой части города особняки теснились плечом к плечу. За тяжелыми портьерами прятались венецианские зеркала и богемский хрусталь, а воздух был густым от ароматов вчерашних духов, дорогих сигар и кофейной гуши. Здесь не знали первых петухов. Просыпались, когда небо уже наливалось свинцом, извозчики заходили на второй круг по Невскому, а заспанные горничные разносили по спальням утренний шоколад и свежие сплетни.

В особняке мадам Помпадур этот распорядок чтили свято.

Груша, поднявшаяся затемно ради плиты и горячих круассанов, двигалась по дому на цыпочках. Шепча молитвы, она косилась на плотно затворенную дверь барышниной спальни: оттуда ни звука. Груша знала: будить хозяйку раньше одиннадцати себе дороже.

Она как раз развешивала на кухне отсыревшие полотенца, когда в дверь особняка постучали. Вздрогнув, женщина перекрестилась и, шаркая войлочными туфлями, поплыла в прихожую. Там царил сумрак: нераздвижные портьеры неохотно пропускали мутный осенний свет, сочившийся сквозь узкое окно над входом.

Груша отворила. На крыльце стоял мужчина.

Повидавшая на своем веку всяких — от растрепанных купчих до великосветских повес, от негоциантов до актеров императорских театров, — она лишь покорно отступила на шаг, придерживая тяжелую створку.

Мужчина был так высок, что Груше пришлось задирать голову, чтобы разглядеть лицо. Широкие плечи, обтянутые тёмно-синим мундиром, узкая талия, перехваченная португеей. По воротнику проходило серебряное шитьё, означавшее чин, и Груша, хоть и не умела читать чины, умела считывать знаки. Этот человек не просил. Этот человек требовал.

Лицо его было из тех, что называют «породистым» — тонкий нос с легкой горбинкой, чётко очерченные губы, сжатые в прямую линию, высокие скулы, твердый подбородок. Только вот серые, холодные глаза смотрели таким пристальным, тяжёлым взглядом, что Груша невольно опустила свои. Тёмные волосы были гладко зачёсаны назад, открывая высокий лоб, на котором уже пролегла глубокая вертикальная складка — след привычки хмуриться.

В правой руке он держал трость из чёрного дерева с серебряным набалдашником в виде орлиной головы. Левая, в перчатке из тонкой чёрной кожи, покоилась на кобуре.

— Старший следователь Волков, — произнёс он.

Низкий безэмоциональный голос соответствовал лицу. Это был голос человека, привыкшего, что его слушают с полуслова.

— К мадам Помпадур. По делу об убийстве.

Груша хотела сказать, что барышня ещё почивают, что приёмные часы начинаются после полудня, что без доклада нельзя. Хотела и не смогла. Под этим взглядом слова застревали в горле, как рыбы кости.

Она отступила.

— Пожалуйста, ваше благородие. Я доложу...

— Не нужно.

Он перешагнул порог, не дожидаясь приглашения. В прихожей сразу стало тесно.

Не то чтобы господин следователь занимал много места. Нет, двигался он легко, почти бесшумно, несмотря на рост и военную выправку. Но от него исходила какая-то плотная, давящая атмосфера, отчего воздух сгущался, а стены, казалось, сдвигались на вершок ближе.

Груша семенила следом, причитая шёпотом: «Барышня не одеты, барышня не принимают, барышня изволят гневаться...»

Волков не оборачивался.

Он шёл по анфиладе комнат, не глядя по сторонам, но, кажется, замечая всё: тусклый блеск неухоженного паркета, скупую, почти аскетичную обстановку. Присмотреться — видны следы многолетней ходьбы по одному и тому же маршруту: от двери к двери, от портьера к портьеру. Никто не бегал здесь без надобности. Никто не плясал, не кружился в вальсе, не ронял вееров.

В первой комнате — старый комод красного дерева, царапины на крышке заделаны на скорую руку. На комод — пустая ваза, мутная от пыли. Ни цветов, ни фруктов. Во второй — несколько стульев вдоль стены, обитых выцветшим штофом, и больше ничего. Третья, кажется, служила гардеробной: сквозь неплотно прикрытую портьеру угадывались тёмные чехлы на вешалках, ряды обуви на низкой полке, шляпные коробки, сложенные пирамидой.

Ближе к гостиной — полдюжины канделябров на консоли, где ещё вчера горели свечи. В воздухе витал лёгкий сладковатый запах ванили и розовой воды.

— Сюда, ваше благородие, сюда... — Груша отворила дверь в ту самую гостиную, где вчера графиня Шереметева обливалась слезами, а купец Елисеев оставил полтысячи. — Обождите здесь, я барышню разбужу.

Здесь всё было иначе. Если остальной дом жил в режиме строгой экономии, эта комната дышала. И дышала тяжело, горячо, почти неприлично.

Тёмно-бордовый бархат драпировок обступал со всех сторон. Стол посередине был почти чёрным, с глубокой, маслянистой полировкой, в которой отражались недогоревшие свечи.

На столе, вокруг центральной пустоты, ещё стояли чашки. Недопитый чай в них затянулся плёнкой, в одной из чашек плавал окурок сигары. Пепельница была полна, и кто-то (Груша? сама сударыня?) не удосужился высыпать пепел.

Рядом с чашками валялась забытая кружевная перчатка. Она лежала ладонью вверх, пальцы скрючились в неестественном, почти умоляющем жесте. Другая валялась тёмным комком у ножки кресла.

Вокруг стола располагались шесть одинаковых кресел и одно, чуть отодвинутое, с более высокой спинкой, обитое тёмно-зелёным сукном. Хозяйское кресло.

Он вошёл в гостиную и остановился у круглого стола. Положил трость на столешницу. Затем снял перчатки и аккуратно положил рядом.

— Доложите, что пришла полиция. И подайте чаю. Чёрного, без сливок, без сахара.

Груша ворвалась в спальню без стука — позволение, которого не давала себе никогда, но тут уж было не до этикета.

— Барышня! Барышня, вставайте!

Мадам Помпадур лежала в постели, утонув в горе подушек, кружевных наволочек и батистовых простынь. Чёрные волосы разметались по подушке тяжёлыми, блестящими волнами, ресницы лежали на щеках тёмными полумесяцами, а дыхание было ровным и глубоким.

— Барышня!

Ресницы дрогнули, поднялись.

Сон уходил медленно. Мадам Помпадур не любила просыпаться рано и не считала нужным это скрывать. Она смотрела на служанку мутными со сна, ещё не наведёнными сурьмой глазами и, кажется, не узнавала.

— Там... там полиция, барышня. Следователь. Велел чаю подать и чтоб вы немедленно выходили.

Мадам Помпадур моргнула раз, другой.

— Полиция? С какой стати?

— По убийству, барышня. По тому самому, профессорскому.

Мадам Помпадур села в постели. Волосы хлынули на плечи, на кружево ночной сорочки, на бледную, ещё не тронутую румянами кожу. Она смотрела в пространство перед собой, и

Груше показалось на мгновение, что барышня сейчас скажет что-то важное — не для неё, для себя.

Но мадам Помпадур только усмехнулась.

— Чай, говоришь?

— Так точно, барышня.

— Подай мне пеньюар. Вон тот, зелёный. И мушку приготовь, — сказала она откинув одеяло.

— Барышня, может, оденетесь прилично? А то как же...

— А вот так же, Груша, — девушка уже стояла перед высоким трюмо, распутывая пальцами спутавшиеся за ночь пряди. — Пусть знает, что мадам Помпадур не бегаёт по первому требованию. И не прихорашивается для визитёров. Даже для таких...

Она не договорила.

— Каких, барышня?

— Серьёзных, — сказала мадам Помпадур, вглядываясь в своё отражение. — Очень серьёзных.

Осталась довольна увиденным и задиристо улыбнулась своему отражению.

***

Она вошла в гостиную через четверть часа своей фирменной походкой — будто не в комнату, а на сцену. Будто портьеры — это кулисы, паркет — подмости, а невидимые зрители уже затаили дыхание в ожидании первого слова.

На ней был зелёный шёлковый пеньюар с нашитым по вороту гипюром, который не столько прикрывал, сколько обозначал границы приличия, чтобы тут же их нарушить. Кружево струилось, скользило, открывало ключицы, ложбинку, тонкую шею, на которой не было никаких украшений, кроме её кожи, белой, словно императорский фарфор.

Волосы не стала убирать, только перехватила на затылке тёмно-зелёной лентой. Лицо оставила без пудры и румян, только губы тронуты кармином и мушка под левым глазом: сегодня чёрный бриг сменился алой каплей, дерзкой, как пощёчина.

Мушка, впрочем, была наклеена криво. Груша заметила это сразу, но промолчала.

Мадам Помпадур остановилась в дверях, обвела гостиную медленным взглядом — и нашла того, кто сидел за круглым столом, положив руки на столешницу.

Он поднялся при её появлении.

— Позвольте представиться: старший следователь Волков.

Сосредоточенное, чисто выбритое лицо. Спина ровная, напряженная. Серые глаза — холодные, пристальные, с таким выражением, будто он уже знает о ней всё и это всё ему глубоко неприятно. Мундир сидит безупречно, ни пылинки, ни складки. Трость с орлиной головой прислонена к стулу. Перчатки лежат рядом, сложенные одна в одну.

Мадам Помпадур сделала шаг вперёд, и шёлк её пеньюара тихо вздохнул.

— Груша, — сказала она, не сводя глаз с гостя. — Ты подала чай?

— Подала, барышня.

— Сливки?

— Господин не пожелали.

— Сахар?

— Не пожелали.

— Какое целомудрие, — протянула мадам Помпадур, приближаясь к столу. — Чёрный чай, без сливок, без сахара. Вы, верно, и в городе недавно, господин следователь? Петербург быстро приучает к сладкому.

Она опустила в то самое кресло, в котором вчера принимала голоса мертвых. Откинулась на спинку, и расслаблено положила руки на подлокотники.

— Мадам Помпадур, — произнес он скорее утвердительно, — назовите ваше настоящее имя.

— Она самая, — девушка склонила голову к плечу, изучая его с наглым любопытством. — А вы, стало быть, тот следователь, что вчера арестовал беднягу Марко? И, не найдя улик, отпустил с извинениями? Имени я не назову, имею право. У вас нет ордера для официального допроса.

— Я не приношу извинений там, где не было ошибки. Марко был задержан для показаний и отпущен в положенный срок, — Волков остался сдержан, проигнорировав выпад.

— Ах, для показаний... — она растягивала слова, смакуя их, как дорогой шоколад. — И много он вам «напоказал»? Наверное, каялся, бил себя в грудь, призывал в свидетели святого Франциска?

— Вы уходите от ответа. Марко сообщил, что профессор Брелов был вашим врагом. И что вы не раз отзывались о нем весьма нелестно.

— О, я высказывалась о нём в самых лестных выражениях, — она взяла чашку, отпила глоток и поморщилась.

— Груша, это невозможно пить. Переделай.

Груша метнулась к чайнику.

— «Неуклонный борец за нравственность», «страж чистых умов», «рыцарь без страха и упрёка».

— Ваше имя, — Волков игнорировал паясничанье, — оказалось единственным, которое назвал Марко. Помимо своего собственного.

— Потому что он идиот, — она поставила чашку на блюдце. Тонкий фарфор жалобно звякнул. — И потому что он мой конкурент, а конкуренты, господин следователь, имеют обыкновение топить друг друга при первой возможности. Марко знает, что я беру дороже, что у меня ходят графини, а у него — купеческие вдовы с Выборгской стороны. Ему выгодно, чтобы я сидела в участке и давала показания. Пока я сижу — его клиенты плачут над его никчемными поскуливаниями.

Она говорила легко, почти весело, словно обсуждала погоду или последнюю театральную премьеру.

Волков смотрел на неё с пристальным вниманием, ни одна реакция не ускользала от его серых глаз.

— Моё имя, — продолжала мадам Помпадур, возвращая взгляд к следователю, — и так у всех на устах. Марко мог бы сообщить вам что-нибудь более полезное. Например, где он покупает те дешёвые бакены, которые клеит на свои тощие щёки. Или почему его «голоса с того света» подозрительно напоминают интонации его квартирной хозяйки.

— Видимо, там же, где вы берете свою мушку, — парировал Волков. — Вы знали профессора Брелова?

— Я его не знала. Я знала о нём. Это разные вещи, — удивленно усмехнулась девушка, не ожидая шпильки от этого сурового человека.

— Профессор Брелов был вашим критиком. Он публично выступал против спиритизма, называл его шарлатанством и развращением умов. Вы читали его статьи?

— Разумеется. Я читаю всё, что пишут обо мне. Даже если не называют прямо, я себя узнаю, — она улыбнулась. — Знаете, что самое забавное? Он ни разу не употребил слово «шарлатанка». Ни разу. Писал о «падении нравов», о «вреде суеверий»... Но никогда не называл меня тем, чем я являюсь на самом деле.

— Вы сейчас признаетесь, что на самом деле являетесь мошенницей? — жестко спросил Волков.

Мадам Помпадур сладко улыбнулась.

— Я артистка, господин следователь. И, как всякая артистка, зависима от публики. Профессор Брелов был для меня... как бы это точнее выразиться? Рецензентом, который пишет разгромные отзывы. А такие отзывы не убивают сборы. Они их удваивают.

Она наклонилась ближе к Волкову, и пеньюар скользнул, открывая плечо. Поправлять не стала.

— Скажите, — голос стал тише, почти задушевым, — вы действительно верите, что я могла убить человека из-за газетных статей? Я, которая каждый вечер принимает графинь и княгинь? Я, чей сеанс стоит пятьсот рублей? Хотя... скандал, — задумчиво протянула она, — громкий, шумный, пахнувший жженой бумагой, мне бы не помешал. Если бы я убила профессора Брелова, это стало бы лучшей рекламой. Меня бы таскали по допросам, газеты писали бы обо мне неделями. А когда бы отпустили за неимением улики, ко мне выстроилась бы очередь из желающих прикоснуться к тайне.

Она улыбнулась еще шире, обнажив ровные белые зубы:

— Я бы озолотилась.

— Я не говорил, что верю.

— Но вы здесь.

— Я здесь потому, что ваше имя назвал подозреваемый. И потому, что убитый профессор потратил два года, доказывая, что вы шарлатанка. Следствие оперирует фактами, а не верой.

— Шарлатанка... — повторила она. — Какое скучное слово. Значит, вы допрашиваете меня «за компанию»? Просто потому, что какой-то итальяшка-неудачник ляпнул мое имя? И вот я сижу в собственной гостиной, пью остывший чай и объясняю очевидные вещи человеку, который должен был додуматься до них сам.

Она откинулась на спинку кресла и небрежно оправила пеньюар — теперь, когда нужный эффект был достигнут.

— Профессор Брелов мне не мешал, господин следователь. Его вопли в газетах были для меня не более чем лаем собаки за забором — досадным шумом. Мои клиенты — скучающие аристократы, жаждущие острых ощущений, и профессор их создавал. Он был живым доказательством того, что спиритизм — это опасно, запретно, почти греховно. А что может быть слаще запретного плода?

Мадам Помпадур взяла со столика веер, раскрыла его и медленно обмахнулась.

— Если бы я убивала каждого критика, Петербург бы наполовину обезлюдел. Но я, как видите, предпочитаю менее радикальные методы.

Волков промолчал. Он смотрел на эту женщину в зеленом пеньюаре, с криво наклеенной мушкой и кармином на губах. Она вальяжно развалилась в кресле и рассуждала об убийстве с таким цинизмом, что у него сводило челюсти.

Она была права — в каждом слове, в каждом доводе. И это бесило больше всего. Волков и раньше встречал подобных: мошенницы, авантюристки, шарлатанки, охотницы за чужими кошельками. Все они умели говорить гладко, смотреть в глаза, не моргая, и держать удар.

Но эта защищалась иначе. Она не оправдывалась и не лебезила. Она нападала.

И ей это нравилось.

— Где вы были в ночь убийства? — в лоб спросил Волков.

Рука с веером застыла в воздухе.

— Какая дотошность, — протянула она. — Вы и в самом деле подозреваете меня? Или просто решили поддержать нашу милую беседу?

— Где вы были, сударыня? — надавил он.

— Здесь, — отрезала мадам Помпадур. — В этом доме. Давала сеанс с девяти до одиннадцати. У меня каждый вечер сеансы, знаете ли. Есть шесть свидетелей, и все с именами. Граф Понюшкин, графиня Малевская, банкир Федохин с супругой, баронесса фон Мекк, княгиня

Голицына. А баронесса фон Мекк приходила и вчера. Если вам интересно, можете и её спросить. Она подтвердит, что я никуда не отлучалась и в тот вечер, и в прошлый.

Волков записывал, не поднимая глаз.

— И все подтвердят, что вы не покидали комнату?

— Все до единого. И ни один не возьмет слов обратно даже под присягой. Потому что они действительно меня видели. И потому... — она сделала паузу, — что я знаю о каждом из них вещи, которые они не хотели бы видеть в утренних газетах. Но это, разумеется, останется между нами.

Волков сжал пальцы на подлокотнике. Перчатки лежали на столе, и он вдруг остро пожалел, что снял их: кожаная преграда между ним и этим наглым, насмешливым голосом была бы сейчас очень кстати.

— Вы шантажируете своих клиентов? — спросил он ровно.

— Ну что вы, господин следователь, — она прикрыла веером нижнюю часть лица, оставив только смеющиеся глаза. — Я лишь берегу их покой.

Она смотрела ему прямо в лицо. В темноте её наглых глаз танцевали отражения свечей, хотя свечи давно погасли, и блеклый свет сочился только из высоких окон.

Волков порывисто поднялся. Он редко позволял себе такое на людях, но сейчас контроль дал слабину. Забрал трость и перчатки, оправил шинель, которую так и не снял.

— Вы остаетесь под подозрением, сударыня, — произнес он холодно. — Я буду задавать вопросы. Возможно, не раз. И в менее комфортной обстановке.

— Обещаете? — она поднесла чашку к губам. Теперь чай был горячим — Груша постаралась.

Он на секунду задержал взгляд на ее влажных губах, изогнутых в усмешке превосходства. И тут же отпрянул, словно от пощечины.

— Доброго утра, сударыня.

— Вы правы, оно стало добрым. Благодаря вам.

Мадам Помпадур не шелохнулась, чтобы его проводить.

***

Волков шел к выходу, не глядя по сторонам. Трость стучала по паркету мерно, отрывисто: раз, два, раз, два. Груша семенила следом, бормоча что-то о здравии и духах, но он не слушал. У самой двери остановился.

— Ваша барышня, — бросил он, не оборачиваясь, — давно она... этим промышляет?

Груша замерла. Под фартуком ее пальцы торопливо перебирали можжевеловые бусины.

— Давно, ваше благородие. Уж лет пять, как помыкается.

— И всегда одна?

— Всегда, ваше благородие. Никого у ней нет. Ни родных, ни... ни души.

Волков помолчал, разглядывая резьбу на двери.

— Передайте хозяйке, — произнес он тихо, — что игра с огнем опасна. Даже для тех, кто любит тепло.

На крыльце он жадно вдохнул сырой, тяжелый воздух. Невский еще кутался в туман, но со стороны Адмиралтейства уже долетел приглушенный бой часов: полдень. Волков поднял воротник шинели.

— В участок, — бросил он кучеру, запрыгивая в экипаж.

Карета тронулась. Он смотрел в окно, но видел не мокрые мостовые и серые фасады, а зеленый шелк, кривую мушку и темные, смеющиеся глаза. Сжал зубы так, что свело скулы.

— Черт бы тебя побрал, женщина, — выдохнул он в пустоту кареты. — Даже фамилию не потрудилась запомнить.

Колеса застучали по брусчатке, и экипаж бесследно растворился в невском тумане.

Глава 3. Казанская часть

На следующее утро Волков вернулся.

Он вошел без доклада. Груша только ахнула, прижимая руки к груди. Мадам Помпадур сидела в малой гостиной, подобрала ноги в кресле. В темно-синем халате, расшитом серебряными ирисами, она лениво просматривала «Новое время», пока черный кот дремал у нее на коленях.

При появлении Волкова она подняла глаза — ровно настолько, чтобы обозначить: видит, но вскакивать не собирается.

— Груша, — произнесла она, переворачивая страницу, — господин следователь, кажется, снова желает чая. Черного, без сахара.

— Я не за чаем, — Волков замер у порога, сжимая набалдашник трости. Его шинель потемнела от тумана, а на воротнике бисером блестела влага. — В доме профессора Брелова обнаружены следы спиритического ритуала.

Газета в её руках замерла. Кот открыл один глаз.

— На чердаке, — продолжал Волков. — Спиритический круг, свечи, блюдце, потеки воска. Прислуга клянется, что никто из домашних сеансов не устраивал.

— И вы, разумеется, сразу подумали на меня, — мадам Помпадур медленно опустила газету.

— Следствие рассматривает факты. Ваше имя назвал Марко. Вы — известнейший медиум. Спиритический круг в доме убитого делает вас...

— Официальной подозреваемой, — закончила она. — Боже, какая скука.

Она отставила чашку, осторожно переложила кота на подушку и поднялась. Халат соскользнул, открывая кружево ночной сорочки. Поправлять она не стала.

— Груша, подай манто. И перчатки.

— Барышня! — Груша всхлинула. — Вы ж не едете ж?..

— Еду, Груня. Еду смотреть, как петербургская полиция ловит духов на чердаках. — Она обернулась к Волкову с кривой усмешкой: — Надеюсь, у вас закрытая карета? В пролетке не поеду, шляпу сомнет.

— Боюсь, у вас нет выбора, сударыня, — осадил её Волков.

Они ехали в тяжелом молчании, нарушаемом лишь дробным стуком копыт по мокрой брусчатке да скрипом рессор. Мадам Помпадур откинулась на спинку, глядя в окно на проплывающие мимо фасады, мелькающие флаги, отяжелевшие от влаги, и извозчиков в глянце-вых брезентовых плащах, с которых ручьями стекала вода.

В карете пахло сырым сукном и едва уловимо её духами. Волков сидел напротив, сжимая вертикально стоящую трость. Его взгляд невольно замер на её узких ладонях, расслабленно лежащих на меховой муфте.

— Вы не волнуетесь, — заметил он.

— А должна?

— Обычно люди волнуются, когда их везут в участок по подозрению в убийстве.

— Обычно люди не болтают с мертвыми княгинями и не пьют шоколад по утрам, — она перевела взгляд с окна на него. — Я болтаю. И пью.

Она замолчала ненадолго, разглядывая адмиралтейский шпиль.

— К тому же, господин следователь, я совершенно никого не убивала. А волнение без причины — глупость. Я не совершаю глупостей.

— Только дерзости?

— Это не дерзость. Это знание своих прав, — улыбнулась она. — Удобно, знаете ли. Позволяет спать спокойно даже тогда, когда совесть должна бы меня терзать.

Волков поджал губы. Он отвернулся к окну, где промозглый петербургский октябрь методично закрепощивал мир косыми линиями дождя.

Карета остановилась у грязно-желтого трёхэтажного здания на углу Офицерской и Прачечного переулка. Фасад был облуплен, над подъездом висел чёрный двуглавый орёл, а у входа, зябко втянув голову в плечи, скучал городской.

— Казанская полицейская часть, — сказал Волков, открывая дверцу. — Прошу.

Мадам Помпадур вышла и подняла голову, оглядывая фасад с выражением лёгкой брезгливости.

— Уютно. По крайней мере, не нужно будет привыкать к запаху. Здесь пахнет точно так же, как в любой казённой приёмной от Петербурга до Одессы: скипидаром, табаком и безнадегой.

Она поднялась на крыльцо, не дожидаясь приглашения.

Внутри, как она и ожидала, было серо, тесно и шумно.

Писарь за конторкой скрипел пером, городские проходили с бумагами, где-то в глубине хлопала дверь. Мадам Помпадур остановилась посреди приёмной, снимая перчатки и обводя покровительственным взглядом присутствующих, словно страждущих в своей гостиной.

— Что ж, — сказала она, — господа полицейские, я готова явить вам чудо.

Наступила тишина.

— Какое чудо? — растерянно спросил молодой чиновник, поднявший голову от бумаг.

— Дух неприкосновенности личности. Слышали о таком? Говорят, он водится в уставах уголовного судопроизводства, но в природе встречается редко. Я — редкая.

Кто-то фыркнул, кто-то кашлянул. Волков крепко взял её под локоть.

— Сюда, сударыня.

Он ввел её в допросную, представлявшую собой тесную конуру с вытертым дощатым полом и железной печкой в углу. На столе, залитом чернилами, лежала чья-то забытая трубка. Единственное окно выходило в колодец двора, а мутный свет сочился сквозь засиженные мухами стекла.

— Садитесь, сударыня.

— Сначала сниму манто. Не в нем же сидеть, — она попыталась вывернуться из его хватки, указывая на вешалку у входа.

Волков с недовольным лицом отпустил ее локоть.

Мадам Помпадур с нарочитой грацией расстегнула жемчужную застежку. Пальцы двигались неторопливо, будто она была не в полицейской части, а у себя в будуаре перед зеркалом. Манто скользнуло с плеч. В комнате стало тихо.

Под манто оказалось платье. Темно-зеленый шелк, почти черный в скудном свете, струился до самого пола. Декольте было вызывающим: оно открывало линию плеч, ключицы и ложбинку груди до той опасной границы, за которой приличие превращалось в искусство.

Мадам Помпадур, не обращая ни на кого внимания, повесила манто и подняла взгляд на Волкова.

— Вы что-то сказали? — спросила она. — Про «садиться»?

Лицо Волкова осталось непроницаемым, только желваки на скулах ходили ходуном, будто он про себя считал до ста.

— Садитесь, — повторил он. Голос сел, пришлось откашляться.

Она подчинилась. Оправила тяжелые шелковые юбки, сложила на коленях перчатки и огляделась с видом разочарованной путешественницы.

— Здесь даже моя Груша отказалась бы пить чай. А она неприхотлива.

Волков сел напротив и раскрыл дело.

— Ваше имя.

— Мадам Помпадур.

— Настоящее имя.

— А вот это, господин следователь, уже чистое любопытство, — она склонила голову к плечу. — Вам-то зачем? Собираетесь писать мой портрет маслом?

Волков поднял глаза. Заставил себя смотреть ей в лицо — только в лицо.

— Я обязан установить личность, — отчеканил он, буравя её тяжелым, немигающим взглядом.

— Моя личность и без того у всех на устах, — она обвела рукой убогую комнату. — Вон, даже эти стены, кажется, пропитались моим именем. Они так и шепчут: «Мадам Помпадур, мадам Помпадур...» Неужели до вашего слуха не долетает? Ах да, я и забыла — вы же глухи к голосам теней.

Девушка вздохнула с картинным сокрушением.

— Записывайте: «Отказывается назвать, уповая на право, дарованное ей... — она на мгновение замерла, подбирая слово, — ...дарованное ей полным отсутствием таких прав в российском законодательстве». Так вам будет угодно?

Волков сжал перо так, что оно жалобно скрипнуло.

— Вы на все вопросы намерены отвечать в подобном ключе?

— Лишь на те, что заданы без должного почтения к моей персоне.

— Я исполняю долг, сударыня, — отчеканил он. — А вы, кажется, забываетесь. Положение подозреваемой не предполагает диктовки условий.

— А я, представьте, исполняю свой. Моя святая обязанность — не давать скучать почтеннейшей публике. И сейчас, — она окинула его лукавым взглядом, — публика — это вы.

Она откинулась на спинку стула, скрестив руки на груди. Тонкий шелк натянулся, и декольте стало вызывающе глубоким. Волков на мгновение сбился с дыхания, ощутив, как в тесной комнате стало невыносимо душно.

— Продолжайте же. Я вся внимание и кротость.

Допрос затянулся на час. Волков методично наносил удары вопросами, но она принимала их легко, с неизменной, почти сонной улыбкой. Где была после одиннадцати в ночь убийства? Дома, в объятиях Морфея. Свидетели? Кот, верная Груша да луна в окне. Отчего профессор Брелов с таким пылом изобличал её в печати? Оттого, что был тайным и страстным её поклонником. Почему Марко клянется в её причастности? Потому что он завистливый фигляр. Что она скажет о спиритическом круге на чердаке убитого? Лишь одно: «Моя работа была бы искуснее».

— Вы могли бы отнестись к происходящему серьезно, — не выдержал Волков, когда она в очередной раз предложила вызвать дух Петра Великого для дачи показаний.

— Я предельно серьёзна, — отозвалась она. — Я совершенно серьёзно не убивала профессора Брелова. Всё прочее — лишь антураж.

— Антураж?

— Ну разумеется. Вы же не станете отрицать, господин следователь, что жизнь — это подмостки? Я лишь играю свою роль. Вас, кстати, можно поздравить: вы в свой образ вошли безупречно.

— И какая же мне отведена роль?

— Моего антагониста, — она улыбнулась, обнажив жемчужный блеск зубов. — У вас великолепный типаж. Эта линия челюсти, эти скулы... Вы, часом, не брали уроков в театральном училище?

— Сударыня, вы, кажется, не вполне осознаете тяжесть своего положения. Вас подозревают в убийстве, вы не в светском салоне. И вежлив я с вами не в силу вашего статуса, а исключительно благодаря собственному воспитанию.

Волков вздохнул, устало потёр виски, а затем медленно закрыл папку.

— Знаете, — произнес он с обманчивым спокойствием, — я пытаюсь расследовать смерть человека, которого, вероятно, лишили жизни именно за попытку бороться с такими, как вы.

— С такими, как я? — переспросила она, вскинув бровь.

— С шарлатанами, которые беззастенчиво наживаются на чужом горе.

В комнате повисла напряженная тишина. Улыбка не исчезла с её лица, но изменилась — стала тоньше, опаснее, как лезвие бритвы.

— Ах, вот оно что... шарлатаны.

Она поднялась, и шелк платья зашуршал, точно потревоженная змея.

— Знаете, господин следователь, я не напрашивалась к вам в гости. Это вы явились на мой порог, вы привезли меня в эту конуру, вы терзаете меня вопросами. Я лишь отвечаю. И если мои слова кажутся вам недостаточно вескими — быть может, изъян не в ответах, а в ваших вопросах?

Она выдержала паузу, не сводя с него пристального взгляда.

— Я не знаю, кто оборвал жизнь профессора Брелова, но уверяю вас, не я. И если вы продолжите кривить свое красивое лицо в брезгливой гримасе, это не приблизит вас к истине ни на вершок.

Волков замер. «Красивое лицо». Слова ударили сильнее, чем любое оскорбление. Он поспешно отвел взгляд, чувствуя, как краска подступает к шее.

— Вы остаетесь под стражей, — отчеканил он, подводя черту. — До выяснения всех обстоятельств.

— Под стражей, — передразнила его мадам Помпадур. — Как это... картинно. И куда же вы меня определите? Здесь водятся настоящие камеры с решетками? Всегда мечтала примерить на себя роль узницы. Говорят, в застенках подают на редкость скверный кофе.

Волков поднялся, заслоня собой тусклый свет окна.

— Следуйте за мной, сударыня. Кофе там не подают вовсе.

Камера, куда её конвоировали, оказалась тесным каменным мешком с железной койкой и узким зарешеченным лазом под самым потолком. Воздух здесь был затхлым, с навязчивым привкусом сырости и старой пыли. Мадам Помпадур вошла внутрь, оглядываясь с искренним любопытством.

— Недурно, — заключила она. — Право слово, вполне сносно. Обои, конечно, не помешали бы, но при таком освещении...

— Вы останетесь здесь, пока я не получу новые сведения, — жестко перебил её Волков.

— Ах, не томите же, господин следователь, — она грациозно опустилась на жесткую койку, расправляя помятый шелк юбок. — Сколько мне суждено томиться? До ночи? До зари? До второго пришествия?

Волков не удостоил её ответом. Он уже развернулся к выходу, каблуки его сапог гулко ударили по камню, когда из темного угла донесся надтреснутый голос:

— Синьора!..

Мадам Помпадур замерла. Весь её светский лоск на мгновение осыпался, точно дешевая пудра.

В углу, на точно такой же железной раме, ссутулившись, сидел человек. Она не заметила его в тусклом освещении. Он сливался с тенью, спрятав лицо в ладонях. Теперь он поднял голову, и в его глазах промелькнул лихорадочный, болезненный блеск.

Тощие, ввалившиеся щеки. Те самые бакены, которые вблизи, без театральной дымки и грима, выглядели жалко. И огромные, затопленные ужасом глаза.

— Марко, — выдохнула мадам Помпадур. Она медленно перевела взгляд на Волкова. — Надо же... Какая тонкая игра.

— Его задержали повторно сегодня на рассвете, — пояснил следователь. — В мастерской обнаружен мел, идентичный тому, которым чертили круг на чердаке. Нож для подрезки свечей также совпадает с зазубринами на огарках. Улик более чем достаточно.

— Он сознался?

— Нет. Молчит, как воды в рот набрал.

— И вы заперли нас в одной клетке, чтобы мы... что? Предались воспоминаниям? Перекинулись в картишки?

Волков проигнорировал выпад. Помпадур прищурилась, изучая его непроницаемое лицо, и вдруг коротко, почти восхищенно усмехнулась.

— Хитро, — признала она. — Признаюсь, господин следователь, я недооценила вашу хватку.

Она окончательно устроилась на жесткой койке с таким достоинством, словно это был трон.

— Что ж, располагайтесь поудобнее, синьор Марко. Будем коротать часы в изысканном обществе. Вы, я слышала, до сих пор берете по десять рублей за сеанс? И не совестно вам?

Марко судорожно всхлипнул, плечи его затряслись.

— Синьора, клянусь всеми святыми, я не убивал!.. Я только начертил круг, мне заплатили... Я и ведать не ведал, что это дом профессора, что прольется кровь!

— Кто заплатил? — требовательно спросила девушка.

— Не знаю! Записка без подписи, пачка ассигнаций в конверте, адрес... Я навел тени, расставил свечи и ушел. Клянусь, я не знал! — Марко подался вперед, заламывая руки. — Синьора, вы обязаны мне верить!

— Я? — она вскинула бровь, и в полумраке блеснул аметист на её пальце. — С какой стати мне вам верить, Марко? Вы полгода порочите меня перед клиентами, уверяя, будто у меня дешевые духи и крашенные волосы.

— Крашенные? — невольно переспросил Волков, не сводя взгляда с её прически.

Мадам Помпадур метнула в него быстрый взгляд.

— Это гнусная клевета. Мои волосы такая же семейная реликвия, как и моё имя. Которого вы, впрочем, всё равно не узнаете.

Она демонстративно отвернулась к окну. Волков помедлил еще минуту, созерцая эту нелепую картину: растрепанного трясущегося итальянца и женщину в платье, вырезанном до неприличия, которая сидела на казенной койке с видом королевы в изгнании.

— У вас есть час, — бросил он. — После я вернусь.

— Обещаете? — спросила она, не оборачиваясь.

Он не удостоил её ответом. Вышел, и тяжелая дверь лязгнула, отсекая их от мира. Мадам Помпадур медленно прикрыла глаза.

— Синьора, — лихорадочно зашептал Марко, — синьора, вы обязаны мне помочь! Вы же умеете с ними толковать, вы же...

— Замолчи, Марко, — оборвала она его устало. — Дай мне подумать.

Итальянец осекся. Помпадур не сводила взгляда с узкого окна.

— Когда ты начертил этот круг?

— Да уж с месяц назад, — всхлипнул Марко, вытирая нос рукавом.

— Как ты вообще проник в дом профессора? — она обернулась к нему, искренне изумленная.

— Так... в письме говорилось о приставной лестнице, что ведет на чердак прямо с заднего двора.

— И ты ввязался в подобную авантюру? — мадам Помпадур уставилась на него с нескрываемым шоком, не веря, что в подлунном мире существуют идиоты такого масштаба.

Марко лишь виновато пожал плечами, пряча глаза.

— Круг на чердаке... — прошептала мадам Помпадур едва слышно. — Кому понадобилось чертить его за месяц до смерти Брелова? Кому была нужна эта декорация задолго до того, как пролилась кровь?

Марко молчал, боясь спугнуть её мысль.

— И почему ты, дурак, не сказал им сразу, что работаешь не один?

— Я работаю один, — обиженно пробормотал он, надув губы.

— Работаешь один, а заказы получаешь в анонимных конвертах. Кто передал тебе это послание?

— Дворник. Сказал, сунули под дверь ночью.

— Дворника допросили?

— Не знаю. Наверное...

Она замолчала. В камере стало слышно, как на улице завывает ветер, гоняя по мостовой сухую листву.

За стеной гулко хлопнула дверь. В коридоре заспорили городовые, их голоса долетали до камеры невнятным гулом.

— Марко, — произнесла она внезапно, — ты ведь понимаешь, что тебя принесли в жертву?

Он поднял на неё огромные глаза, полные слез — по-детски беззащитные на костлявом лице.

— Кто-то нанял тебя начертить этот злосчастный круг. Этот некто знал, какой мел ты держишь в кармане, какой нож используешь, какой у тебя почерк. Знал, что ты не откажешься от легких денег и не задашь лишних вопросов, — она сделала паузу, чеканя слова. — Он заранее знал, что полиция выйдет на тебя. И знал, что профессора убьют.

Марко смертельно побледнел.

— Я не убивал... Я грешным делом думал, это вы так избавляетесь от конкурента.

— Я знаю. Ты на такое не способен, — девушка устало вздохнула. — Ты мне не конкурент, Марко, а скорее удобное прикрытие для моей монополии. Но теперь ты стал лучшим другом петербургской сыскной полиции. Потому что, пока они ищут призрачного убийцу, у них есть трусливый глупый ты, с изобличающим мелом в кармане.

Итальянец промолчал, лишь ниже опустил голову. Мадам Помпадур вновь обратилась к окну.

— Любопытно, — задумчиво протянула она, — кому ты перешел дорогу?

Марко не ответил. Он сидел, ссутулившись, и его острые плечи мелко, лихорадочно вздрагивали. Мадам Помпадур прикрыла веки, устало откидывая голову назад.

— Боже, — прошептала она в пустоту холодного камня. — Ну и компанию ты мне подобрал, Волков.

Глава 4. Кабинет начальника

Волков вернулся ровно через час.

Мадам Помпадур застыла на койке в той же позе, в какой он её оставил: безупречно прямая спина, покойно сложенные руки. Марко же окончательно съежился в углу, обхватив колени, и мерно раскачивался в такт безмолвной молитве. При звуке шагов итальянец вздрогнул, вскидывая голову с безумным взором.

— Я ничего не знаю! — выкрикнул он, срываясь на фальцет. — Я всё сказал! Синьора, подтвердите им...

— Замолчи, Марко, — уронила мадам Помпадур, не открывая глаз.

Тот осекся. Волков замер у порога, заслоняя собой свет коридора.

— Сударыня, следуйте за мной.

Она медленно подняла веки, с той ленивой негой, с какой пробуждаются после затянувшегося, не слишком занятого сна.

— Уже пробил час? Поразительно, как стремительно летит время в столь изысканном обществе.

Девушка поднялась, одним движением оправив юбки, подхватила перчатки и вышла в коридор, едва не задев Волкова плечом. Тот повел её проторенным путем к допросной.

— Снова в ту же конуру? — бросила она через плечо.

Когда Волков кивнул на знакомую дверь, она резко остановилась.

— Довольно. Я требую начальника.

Волков шумно выдохнул сквозь стиснутые зубы.

— Сударыня, допрос не окончен. Вижу, часа в камере вам не хватило, чтобы осознать всю шаткость вашего положения.

— Я требую начальника, — повторила она с ледяным спокойствием. — Того, кто здесь наделен настоящей властью. Я желаю беседовать с лицом, облеченным полномочиями, а не с рядовым исполнителем. Вашей власти, — она с нескрываемым скепсисом окинула его фигуру взглядом с головы до ног, — мне недостаточно.

Она произнесла это так, словно сетовала на дурно сваренный кофе в придорожном трактире. Без тени вызова — просто констатируя прискорбный факт. Глаза следователя метали молнии, желваки опасно заходили под кожей.

— Ожидайте здесь, — отрезал он и стремительно зашагал прочь, чеканя шаг.

Она прождала пятнадцать минут. За это время успела изучить карту Петербурга на стене, мысленно проложив маршрут до дома и окончательно решив сменить извозчика — нынешний безбожно драл втридорога. Успела поправить мушку (она всё еще сидела криво, но теперь в этом читался тот особый шик, что отделяет намеренную небрежность от обычной безалаберности). И, наконец, успела подумать, что Волков действительно считает её убийцей. От этой мысли ей вдруг стало не смешно, а тоскливо и горько.

Дверь в конце коридора распахнулась, и на пороге появился он.

Полковник Казанской части оказался мужчиной видным. Высокий, статный, с той безупречной выправкой, что выдает кадрового военного даже спустя годы после отставки. Седина на висках лишь добавляла ему благородства, а темные, удивительно живые глаза смотрели на мир с легкой, чуть усталой иронией человека, который повидал слишком много, чтобы удивляться, но всё еще достаточно, чтобы находить в этом вкус.

Мундир сидел на нем безукоризненно. В руке полковник держал пенсне на черном шелковом шнурке.

— Николай Алексеевич Вересов, — представился он. Голос у него был низкий, с тем особенным петербургским выговором, который у иного звучал бы манерно, но в его устах казался естественным и почти музыкальным.

Мадам Помпадур присела в глубоком, безупречном книксене, каким обучают в Смольном и которые напрочь забываются к двадцати годам.

— Мадам Помпадур. Несказанно рада знакомству с человеком, который не смотрит на меня, как на заспиртованную лягушку в кабинете естествоиспытателя.

Вересов тонко усмехнулся, в уголках его глаз собрались лукавые морщинки.

— Пройдемте в мой кабинет, сударыня. Здесь, право слово, решительно негде развернуться.

Он по-светски предложил ей руку. Она приняла её, едва коснувшись сукна рукава кончиками пальцев.

Кабинет начальника части встретил их простором и респектабельной тишиной. Темное дерево панелей, зеленое сукно стола, тяжелые портьеры, крадущие скудный уличный свет. На стенах, потеснив казенный портрет государя, висели гравюры с видами старой столицы.

Здесь пахло добрым табаком, выделанной кожей и сдержанным мужским одеколоном — холодным ароматом власти. Вересов усадил гостью в глубокое кресло у камина; камин не топился, но само его присутствие создавало иллюзию домашнего уюта. Полковник расположился напротив, легко закинув ногу на ногу.

— Ну-с, сударыня, — начал он, — поведайте же мне: чем так досадил вам мой юный коллега?

Она рассказала коротко, ёмко, с теми немногими подробностями, которые работали на неё, и теми немногими умолчаниями, которые работали на правду. Вересов слушал молча, не перебывая, только поигрывал пенсне.

Когда она закончила, он помолчал с минуту, глядя на неё поверх сложенных пальцев.

— Стало быть, — задумчиво произнес он, — вы убеждены, что итальянец лишь подставная фигура?

— Я убеждена, что Марко прискорбно глуп для столь изящного замысла. И фатально труслив для душегубства. Его использовали как ширму.

— А вас?

— Меня? — она ухмыльнулась. — Меня, полковник, использовал ваш следователь. Как повод скрасить серый октябрьский день.

Вересов едва заметно улыбнулся, одними уголками губ и лукавым прищуром глаз.

— Волков — человек долга. А молодость иногда делает его... излишне усердным.

— Иногда делает его невыносимым. Но я не в претензии. Молодость — недостаток исправимый.

— К тридцати пяти обыкновенно излечивается, — кивнул Вересов.

Мадам Помпадур негромко рассмеялась, чуть запрокинув голову.

— Скажите, полковник, — в её голосе прорезалась едва уловимая томность, — вы и впрямь допускаете, что я могла лишиться жизни бедного профессора?

— Нет, — отозвался он без малейшего промедления.

— Отчего же?

— Оттого, что пожелай вы чьей-то смерти, — он посмотрел ей прямо в глаза, — вы бы исполнили это так, что мир никогда бы не узнал ни имени палача, ни способа, ни мотива.

Он понизил голос, и в нем проступил металл:

— И уж подавно вы не оставили бы после себя столь нелепой декорации, как меловой круг на пыльном чердаке.

Она изучала его долгим и пристальным взглядом. А затем улыбнулась уже мягче, с оттенком искренней признательности.

— Вы, полковник, — прошептала она, — опасный человек.

— Я старый человек, сударыня. В нашем ремесле это почти одно и то же.

Вересов поднялся и подошел к окну. Какое-то время он стоял неподвижно, созерцая мокрую, блестящую от дождя мостовую.

— Чего вы желаете? — спросил он, не оборачиваясь.

— Свободы. Прямо сейчас.

— Это разумеется само собой. Я спрашиваю о другом.

Она помедлила, подбирая слова.

— Я желаю знать, кто оборвал дни профессора Брелова. И отчего был избран столь вычурный, столь... театральный способ.

— Профессиональный интерес? — Вересов обернулся, вскинув бровь.

— Человеческий, — поправила она с легкой грустью. — Профессиональный обошелся бы вам куда дороже.

Вересов усмехнулся и едва заметно качнул головой, отдавая должное её остроумию.

— Полковник, разрешите войти? — донёлся из-за двери голос Волкова.

— Подождите в приёмной, Герман Константинович, — ответил Вересов, не повышая голоса. — Мы ещё не закончили.

Вересов обернулся к ней, и в его взгляде мелькнуло что-то лукавое, почти мальчишеское.

— Он за дверью, — прошептал он. — Натянут как струна. Боится, не перешел ли я к инквизиторским методам.

— А вы перейдете?

— Я уже начал, сударыня. И вы, сдаётся мне, находите в этой пытке истинное удовольствие.

Она снова рассмеялась. И этот звонкий смех, с едва уловимой ноткой кокетства, просочился сквозь тяжёлый дуб дверей. Он долетел до приёмной, где Волков замер, сжимая набалдашник трости так, что костяшки пальцев побелели.

— ...совершенно невозможная женщина, — донеслось приглушенное рокотание полковника.

— ...в вашем возрасте, Николай Алексеевич, это уже не порок, а диагноз...

— ...а в вашем — бесспорное достоинство...

Снова смех. Его — низкий, довольный, и её — переливчатый. Волков чуть не задохнулся от возмущения.

В груди давило, в висках набатом стучала кровь. Это была ярость — чистая, оправданная ярость. На её беспардонность. На непростительную слабость начальника. На то, что эта авантюристка, эта шарлатанка, сидит сейчас в министерском кресле и ведёт светскую пикировку, точно она званая гостья, а не арестантка.

Дверь распахнулась лишь спустя полчаса. Она вышла первой, и Волков ощутил резкий, жгучий приступ изжоги.

Она шествовала под руку с Вересовым. Не как конвоируемая, а как первая дама бала под руку с кавалером. Полковник почтительно склонил голову, ловя её шепот, и вдруг расхохотался запрокинув голову. Она что-то интимно добавила ему на ухо, почти касаясь губами виска, и Вересов лишь шутливо покачал головой, но глаза его искрились.

Волков созерцал эту идиллию, чувствуя, как внутри вскипает нечто темное, густое, тяжёлое. Ему до боли в суставах хотелось разрушить этот союз. Схватить её за локоть, оттащить от полковника, выкрикнуть что-то резкое, непоправимое.

Вересов поднял взгляд на Волкова, и выражение его лица мгновенно переменялось: теплота уступила место официальной, едва приметной надменности.

— Герман Константинович, — произнес он холодным тоном, — вы всё ещё здесь?

Волков ответил отрывистым кивком. Полковник выпустил локоть мадам Помпадур и сделал шаг навстречу подчиненному.

— Я ознакомился с материалами, — обронил он негромко. — Прямых улик против этой женщины нет. Имеются лишь показания перепуганного итальянца, который, к слову, упорно отрицает всякую вину. На каком основании вы её задержали? На почве личной неприязни?

— Полковник, я...

— Я не спрашиваю, я констатирую, — Вересов поправил пенсне отточенным жестом. — Обвинения снять. Сударыню отпустить немедленно. Марко оставить в камере до выяснения источника «заказа».

Волков смотрел на него, не мигая, а затем медленно перевел взгляд на неё. Она замерла, опустив ресницы с самым невинным выражением, на какое только была способна, но уголки её алых губ предательски вздрагивали.

— Слушаюсь, — выдавил Волков глухо.

Мадам Помпадур подхватила с вешалки мантию, натянула перчатки, мазнув по следователю прощальным, равнодушным взглядом, точно по предмету казенной мебели. Вересов галантно проводил её до самых дверей.

— Благодарю вас, полковник, — пропела она, обернувшись на пороге. — Вы истинный ангел-хранитель отечественного сыска.

— Всегда к вашим услугам, сударыня. Обращайтесь.

Она уже коснулась дверной ручки, уже шагнула в душный коридор, но вдруг замерла и медленно обернулась.

— Полковник, — произнесла она вкрадчиво, глядя на него из-под пушистых ресниц, — я тут подумала...

Вересов вопросительно вскинул бровь.

— Мне в последнее время невыносимо скучно, — продолжала она, и в голосе её зазвучала капризная нота. — Клиенты всё те же, покойники всё там же, духи всё о том же. А тут такое занимательное дельце... Профессор в смиренной рубашке, вода в легких, загадочная надпись...

Волков резко вскинул голову, его лицо исказилось.

— Откуда вам известно про воду в легких?! — вырвалось у него почти с яростью.

Она не удостоила его даже мимолетным взглядом. Её внимание принадлежало лишь Вересову.

— Я могла бы быть полезной, — сказала она просто. — У меня цепкая память, а наблюдательность еще острее. Я подмечаю то, что иные в упор не видят. И в конце концов... — одарила девушка его лёгкой улыбкой, — я единственная в Петербурге, кто ежевечерне беседует с тенями. А профессор Брелов, как вам известно, теперь тоже в их числе. Вдруг он захочет мне что-нибудь поведать?

Вересов смотрел на нее, словно прицениваясь. Затем шагнул ближе, порывисто взял её руку и поднес к губам. Полковник запечатлел поцелуй ровно настолько долгий, насколько позволял самый галантный этикет. Но его взгляд — потемневший, пристальный, с искрой лукавства — скользнул выше. Он задержался на кружевном вырезе платья, на манящей ложбинке, на алебастровой шее и, наконец, на её влажных, полуоткрытых губах.

Волков созерцал это, не смея пошевелиться. Он видел, как взгляд начальника осязаемо касается её кожи, и чувствовал, как внутри него всё обрывается и летит в черную бездну от омерзения.

— Почему бы и нет, — произнес Вересов, неспешно отпуская её ладонь. — Герман Константинович, отныне вы станете работать в паре с мадам Помпадур. Она зачислена к нам в качестве... э-э... внештатного консультанта.

— Полковник!.. — в голосе Волкова звякнул металл протеста.

— Внештатного, — с нажимом повторил Вересов, гася спор в зародыше. — И будьте любезны, мой друг, обходиться с дамой в высшей степени почтительно. Теперь она ваша коллега.

Мадам Помпадур склонила голову в изящном, едва заметном поклоне.

— Коллега... — повторила она, пробуя слово на вкус, точно редкое вино. — Мне нравится. Звучит почти респектабельно.

Она обернулась к Волкову. В тесном коридоре бушующий шторм его серых глаз встретился с веселыми искрами её темных.

— Стало быть, мы с вами теперь соратники, господин следователь. Не желаете ли разделить со мной чашку чая? Черного, без сахара.

— Премного благодарен, сударыня, — отозвался он подчеркнуто ровно. — Ни минуты покоя. Служба.

— Ах да, вечная служба... — она вздохнула с картинным сокрушением. — Что ж, оставим это до лучших времен.

У самой двери она обернулась в последний раз, одарив Волкова мимолетной, торжествующей улыбкой.

— Завтра поутру, господин следователь. Я пришлю за вами экипаж к десяти. Будьте готовы.

Она вышла, и тяжелая входная дверь отсекала шум дождя.

— Герман Константинович, — донесся из кабинета властный голос Вересова. — Зайдите-ка ко мне. Немедленно.

***

Вересов сидел за столом, неспешно набивая трубку. Лицо его хранило безмятежное спокойствие, и лишь в глубине глаз мерцала та самая лукавая искра, которую Волков ненавидел и почитал одновременно.

— Присядьте, Герман Константинович, — бросил Вересов. — Разговор будет коротким.

— Полковник, — Волков проигнорировал приглашение. Его голос звучал глухо, с трудом пробиваясь сквозь накипевшее раздражение. — Вы не можете всерьез полагаться на эту женщину.

Вересов вскинул бровь, чиркая спичкой и раскуривая табак.

— Не могу?

— Она лжет! — Волков сделал резкий шаг к столу. — Лжет каждой оборочкой платья, каждым томным вздохом, каждым фальшивым взглядом. У неё нет имени, нет прошлого — ничего, кроме набора заученных улыбок и дешевых театральных жестов. Она циничная шарлатанка, живущая за счет чужого горя. И вы вознамерились сделать её консультантом сысской полиции?

Вересов хранил молчание, мерно попыхивая трубкой и окутываясь сизым облаком дыма.

— Её поведение аморально, — продолжал Волков, и краска гнева выступила на его скулах. — Она рядится как... как... как дама полусвета! Она бесстыдно кокетничает с вами, дразнит городских в приемной, насмехается над законом, над следствием, над самой смертью! Для неё нет ничего святого, кроме собственной выгоды.

Он перевел дух, впиваясь взглядом в начальника.

— И вы доверяете ей расследование убийства человека, которого она, по всей вероятности, сама же и отправила на тот свет?

Вересов выпустил густую струю дыма и посмотрел на подчиненного поверх пенсне.

— Всё изволили сказать?

Волков отрывисто кивнул.

— Тогда садитесь, — повторил Вересов, и в его голосе проступила жесткость приказа. — И слушайте.

— Во-первых, — начал он, неспешно загибая палец, — она не убивала профессора. Ни улики, ни внятного мотива. И, как вы верно подметили, она слишком проникательна, чтобы оставлять после себя столь топорные следы. Во-вторых, итальянец Марко, стенающий в камере в три ручья, также никого не лишал жизни. А значит, подлинный убийца всё ещё на свободе. И я полагаю, это некто, тесно связанный с деятельностью покойного. Никакой мистики, чистый расчет.

Полковник на мгновение умолк, пристально глядя на подчиненного.

— В-третьих, у этой женщины есть то, чего лишены вы, Герман Константинович. У неё есть доступ в те чертоги, куда полиция вхожа лишь с ордером и понятыми. У неё есть уши, способные уловить то, что от вас спрячут за семью печатями. И глаза, подмечающие детали, которые вы, при всем вашем похвальном усердии, никогда не разглядите.

Вересов глубоко затянулся, выпуская сизый дым к лепнине потолка.

— А что до её манер и вызывающего декольте... — он улыбнулся одним уголком рта. — Это, батенька, не аморальность. Это оружие. И владеет она им куда искуснее, чем вы — своей шашкой.

Волков помрачнел, сжав губы, но не нашёлся, что ответить.

— Вы свободны, — отчеканил Вересов. — Завтра в полдень жду с докладом.

Волков устало поднялся, у самой двери он замер, так и не обернувшись.

— Полковник, — произнес он вполголоса, — неужели вы полагаете, что ей можно доверять?

— Ни в коей мере, — отозвался Вересов. — Я полагаю, что ею можно пользоваться.

Он снова затянулся, выпустив аккуратное колечко дыма в сторону старшего следователя.

— Ступайте. Завтра у вас на редкость трудный день.

Глава 5. Место преступления

Утро следующего дня встретило Петербург ледяным, застойным туманом.

Он лениво выползал из каналов, стелился по мостовым и обволакивал фонари, превращая их в призрачные желтые шары. Пролётки возникали из белой мглы и тут же тонули в ней, будто их и не было вовсе.

Волков явился в участок засветло.

Ночь прошла без сна. Он ворочался, тщетно гнал от себя навязчивый шелест зеленого шелка и блеск темных глаз, но видения возвращались — въедливые, как октябрьская сырость. К рассвету он сдался: поднялся, выпил остывшего чая и отправился на службу, лишь бы не оставаться в пустой квартире, где каждый скрип половицы напоминал о том, что он один.

В участке царил сонная тишина. Писарь за конторкой дремал, уронив голову на ведомости. Городовой у входа затажно зевал, прикрывая рот рукавицей. Где-то в глубине звякнула кружка. Должно быть, Груша принесла кому-то чай, хотя какое отношение Груша имела к полицейскому участку? Волков тряхнул головой, прогоняя наваждение.

Он поднялся в свой кабинет, сел за стол и рывком раскрыл дело Брелова.

***

В десять она не явилась.

Волков сверял время каждые десять минут, презирал себя за это, но неизменно возвращал взгляд к циферблату. К половине одиннадцатого он почти уверился: вчерашний спектакль в кабинете начальника был лишь изящным ключом от темницы. Теперь она наверняка дома, смакует шоколад и потешается над ним вместе с Грушей.

Мадам Помпадур возникла на пороге без четверти двенадцать.

К этому моменту Волков успел осушить два стакана чая, трижды перелопатить показания вдовы и окончательно похоронить веру в женское слово. Он сидел, нервно барабаня пальцами по зеленому сукну и созерцая безнадежную хмарь за окном, когда дверь распахнулась без стука.

Сегодня на мадам Помпадур было пальто глубокого темно-синего цвета, отороченное густым мехом. Этот полночный оттенок делал её кожу фарфоровой, а глаза бездонными. Меховой воротник, поднятый к самому подбородку, эффектно обрамлял лицо, отчего пресловутая мушка казалась вызывающе дерзкой. Волков взирал на неё с нарастающим раздражением. У него не оставалось сомнений: начнись сейчас пожар, эта женщина прежде наклеит свое вульгарное украшение и лишь затем изволит спастись.

Из-под шляпки с короткой вуалью выбилась тяжелая черная прядь, упавшая на плечо. В одной руке она сжимала муфту, в другой — зонтик с резной костяной ручкой, хотя дождь закончился еще рано утром.

— Господин следователь, — провозгласила она прямо с порога, — вы не представляете, что творится на улицах! Этот туман, эти извозчики... А лужи! Истинное Черное море. Я едва не пошла ко дну по пути к вам. Пришлось бы снаряжать водолазов.

Волков молчал, задыхаясь от негодования. Её вопиющая непунктуальность и развязный тон лишили его дара речи. Он заметил, что юный Корсаков, застывший в углу с бумагами, взирает на гостью, открыв рот. Следователь резко, предупреждающе кашлянул, заставляя подчиненного очнуться.

— Вы опоздали, — отчеканил он, обрывая её на полуслове.

— Всего на час с небольшим. — Она вошла, не дожидаясь приглашения, наполнив кабинет ароматом сырого меха и сладких духов. — Для женщины, господин следователь, это не опоздание, а сборы. К вашим годам следовало бы уяснить такие простые вещи.

— Я ничего не должен уяснять.

— Вот именно. — она присела напротив, по-хозяйски откинувшись на спинку стула и небрежно закинув ногу на ногу. Из-под пальто скользнул темно-синий шелк в полоску, пена кружев и еще что-то мимолетное, что Волков заставил себя не заметить. — Оттого вы и такой скучный.

Мадам Помпадур со скучающим видом оглядела кабинет, а затем пристально всмотрелась в его лицо.

— А вы не спали.

— Откуда вы...

— У вас покрасневшие веки. И тень щетины на щеках. — она сделала паузу, изучая его смятение. — Все думали об убийстве?

— Думал. И не только о нем. Зачем вы изволили явиться?

— Желаю видеть место преступления. — она произнесла это с той же легкостью, с какой просят билет в ложу. — Своими глазами. И не смейте спорить: полковник Вересов дал мне полный доступ. Я теперь лицо официальное.

— Помню. — Волков поднялся и принялся застегивать шинель. Одна пуговица, вторая, третья... Он кожей чувствовал её насмешливый взгляд на своих пальцах. — Корсаков едет с нами.

Из тени у окна выступил молодой человек. Всё это время он прилежно делал вид, что поглощен бумагами, хотя на деле пожирал взглядом и шляпку Мадам Помпадур, и изгиб её шеи, и всё прочее, до чего мог дотянуться взором.

— Корсаков Илья Ильич, — отрекомендовался он, шагнув вперед с галантным поклоном. — Письмоводитель. Для ведения протокола.

— Очень приятно, Илья Ильич. — Мадам Помпадур окинула его оценивающим взглядом, задержавшись на румянном лице и по-детски восторженных глазах. — Давно ли вы на службе в полиции?

— Третий год пошел, сударыня. — Корсаков вытянулся во фронт, отчего мундир его натужно скрипнул. — При господине Волкове с самого его прибытия в столицу состою.

— И как же вам служится под таким началом?

— Исправно служится, сударыня. Герман Константинович строг, но справедлив. У него, знаете ли, целая наука.

— Наука, — повторила Помпадур, метнув лукавый взгляд на следователя. — Весьма похвально. Учёный пёс — большая редкость.

Корсаков невольно хихикнул, но тут же осекся, наткнувшись на тяжелый, предвещающий грозу взгляд начальника. Волков молча подхватил трость и натянул перчатки.

— Едем, — сказал он и вышел первым, но в дверях задержался ровно настолько, чтобы пропустить её вперёд, и сам удивился этому жесту.

У крыльца ждала пролетка.

— Моя шляпка! — воскликнула сударыня возмущенно, указывая на отсутствие крыши.

— Придержите рукой. — сухо бросил Волков, подавая ей руку.

Мадам Помпадур с явным неудовольствием опустила на сиденье и принялась укрощать юбки. Волков сел подле, Корсаков же примостился на козлах рядом с извозчиком. Теснота была такая, что колено мадам почти касалось ноги Волкова. Он вжался в угол, стараясь дышать через раз, лишь бы не ощущать её близости.

— Расскажите мне о доме, — попросила она, пока экипаж дробил колесами булыжную мостовую. — Кто там обитает, помимо вдовы и дочери?

— Прислуга, — ответил Волков, глядя перед собой. — Кухарка, горничная, дворник.

— И все, разумеется, дали показания?

— Все до единого.

— И все, как водится, пребывали в блаженном неведении? Ничего не видели, ничего не слышали?

— Именно так.

— Как предсказуемо. — она вздохнула. — Скажите, господин следователь, а вы замечали, что в России прислуга всегда ничего не видит и не слышит, когда случается что-то важное? Зато как обсуждать хозяйские тайны на кухне — тут у них и глаза, и уши, и голоса на всю округу.

— Замечал.

— И что вы думаете?

— Думаю, что они боятся.

— Боятся, — согласилась она. — И правильно делают. В чужой дом лезть — себя не любить. Но иногда, господин следователь, страх можно превратить в разговорчивость. Надо только знать, за какую ниточку потянуть.

— Вы хотите сами допросить прислугу?

— Я предлагаю с ними поговорить? — она поправила вуаль. — По-женски. Без протокола. Без мундира.

— Это не по правилам.

— Правила, — она улыбнулась, — созданы для того, чтобы их иногда нарушать. Особенно когда они мешают найти убийцу.

Пролетку резко тряхнуло на повороте. Мадам Помпадур качнулась, и на мгновение её колено плотно прижалось к его ноге.

— Простите, — проронила она, но в её голосе не было и тени смущения. Лишь легкая, дразнящая усмешка.

Волков промолчал, до боли сжав набалдашник трости. Он смотрел на унылые, сочащиеся сыростью фасады, на размокшую грязь, летящую из-под колес, и с ужасом думал о том, что этот аромат — смесь ванили, розовой воды и теплой женской кожи — снова не даст ему нормально выспаться.

***

Обитель профессора Брелова скрывалась в одном из тех переулков Васильевского острова, где время, казалось, застыло еще добрых тридцать лет назад. Трехэтажный особняк серого камня с облупленными пилястрами и массивной дубовой дверью являл собой безмолвный портрет хозяина: человека, некогда знавшего достаток, но давно смирившегося с неизбежным разорением и доживающего свой век в тишине и сырости.

Фасад почернел от плесени и дождей, кое-где штукатурка обвалилась, открывая красный кирпич. Окна первого этажа были забраны коваными решётками, на втором — высокие, с полукруглыми арками, — глядели на улицу с тусклой безнадежностью. У подъезда рос старый голый тополь с обломанной бурей верхушкой.

Мадам Помпадур покинула пролетку первой. Закинув голову, она медленно окинула взглядом фасад.

— Мрачно, — заключила она, — Прескверно. Полагаю, в этих стенах даже привидения изнывают от тоски.

— Сударыня, — предостерег Волков, — извольте помнить: здесь обитают вдова и дочь покойного. Лишний раз их не тревожить.

— Я буду воплощением деликатности, — заверила она, бесцеремонно беря его под руку, словно они вышли на променады по Невскому. — Вы еще поразитесь, господин следователь, сколь очаровательной я умею быть, когда того пожелаю.

Она прильнула к нему чуть теснее, чем предписывали приличия. Волков почувствовал живое тепло её тела даже сквозь плотное сукно шинели.

— Идемте, — выговорил он севшим голосом.

Корсаков следовал позади, с профессиональным рвением изучая трещины на фасаде, стараясь не смотреть на то, как «консультант» по-хозяйски распоряжается локтем его начальника.

***

В кабинете профессора Брелова время остановилось, сохранив в неподвижности каждую деталь рокового дня.

Комната на втором этаже встретила их высокими окнами, выходящими в пустой двор, и стенами в темно-зеленых обоях. Массивный письменный стол был завален книгами и бумагами, но в этом хаосе сквозила пугающая педантичность: ровные стопки, выверенные углы — казалось, хозяин не терпел ни малейшего беспорядка. Кожаное кресло с высокой спинкой, ставшее последним пристанищем профессора, замерло в центре комнаты.

На стене висел портрет Анны, дочери Брелова. Бледное лицо, глубокая тоска в темных глазах и прозрачные пальцы, сложенные на груди, заставили мадам Помпадур невольно замедлить шаг. Под креслом на паркете темнели неровные, высохшие разводы от воды.

— Можно? — негромко спросила она.

Волков лишь молча кивнул.

Она вошла осторожно, ощущая чужое присутствие в каждой мелочи. Провела пальцем по стопкам немецких психиатрических журналов и подшивкам «Вестника клинической медицины». Все было разложено до маниакальности аккуратно. Затем девушка наклонилась к столешнице, где была выжжена надпись: «Эксперимент».

Буквы были слегка неровными, с разным нажимом: где-то дерево обуглилось до черноты, где-то пламя лишь слегка коснулось поверхности.

— Убийца был поразительно спокоен, — констатировала она. — Чем это выжжено?

— След от кочерги, — отозвался Волков из-за её спины. — Взяли прямо из камина.

Она выпрямилась, обернулась к нему.

— Духи, значит, кочергой поработали? — она покачала головой. — Господин следователь, вы вообще верите в духов?

— Нет.

— И правильно. Потому что духи, знаете ли, не замораживаются кочергой. Если бы они хотели оставить послание, они бы... ну, не знаю. Дымом написали. Или огнём прямо в воздухе. Или, на худой конец, явились бы во сне кому-нибудь из родственников.

Мадам Помпадур подошла к камину. Чугунная решётка, на полу россыпь пепла, несколько недогоревших поленьев. Кочерга стояла на месте, в углу, прислонённая к стене.

Взяла кочергу, повертела в руках, поднесла к глазам.

— Тяжёлая. Мужчина держал, и не слабый. Женщине было бы неудобно.

— Вы думаете, женщина не могла?

— Могла, если сильная. Но не стала бы, — она поставила кочергу на место. — Женщина, если уж убивает, выбирает другие способы. Яд. Подушку. Удар ножом исподтишка. А это... это мужская работа.

Девушка потянула на себя ручку выдвижного ящика. Пусто. Следом второй — то же самое. — Позвольте, а где же его бумаги?

— Какие именно бумаги? — не понял следователь.

— Рабочие архивы. Личные записи. Переписка, черновики будущих статей... — она резко обернулась. — Где всё это богатство?

— Здесь лишь справочники, — подметила девушка, обводя комнату взглядом. — Да портрет дочери. И, кстати, ни единого изображения супруги. Вы обратили внимание?

Волков невольно оглядел стены: меланхоличная Анна, гравюры с сухими анатомическими рисунками, бесконечные ряды корешков.

— Не заметил.

— А следовало бы, — она подошла к книжному шкафу, её палец медленно заскользил по названиям. — Дарвин, Сеченов, пятитомник «Патологической анатомии», немецкие фолианты по фармакологии... Сплошное торжество разума. Ни единого романа, ни томика стихов — ни одной книги, которую держат подле себя для души.

Девушка перевела взгляд на Корсакова, притаившегося у двери с блокнотом.

— Илья Ильич, а каково ваше суждение?

Молодой человек вскинул голову и густо покраснел под её прямым взглядом.

— Я полагаю, сударыня, профессор был человеком сурьёзным. Не до поэзии ему было при таких-то трудах.

— Сурьёзным, — согласилась она, не скрывая иронии. — Вот только зачем такому «сурьёзному» человеку держать в столе пустые ящики? Не находите ли вы сие обстоятельство весьма странным?

Корсаков на мгновение задумался, покусывая кончик пера.

— Быть может, он уносил труды в академию? Работа там, там и хранил под замком.

— Возможно, — она тяжело вздохнула. — А возможно, некто прибрал их к рукам до вашего появления здесь.

Волков сделал решительный шаг вперёд, его голос зазвучал требовательно:

— Вы полагаете, убийца похитил бумаги?

— Я убеждена: в кабинете человека, который три десятилетия кряду писал, публиковался и вел обширную переписку, должно остаться куда больше жизненных следов. А здесь стерильно, точно в операционной палате.

Она решительно подошла к окну и отдернула тяжелую портьеру. За ней обнаружился широкий мраморный подоконник. Мадам Помпадур медленно провела пальцем по его холодной поверхности.

— Здесь мыли. Причем совсем недавно, — она склонилась ниже, вглядываясь в камень. — Делали это впопыхах, на скорую руку. Видите?

Волков подошел и встал рядом, непозволительно близко, но отступить было некуда. На краях мрамора отчетливо виднелись мутные пыльные разводы. Корсаков, ведомый любопытством, тоже сунул нос к окну.

— А не мог ли это быть сам злодей? — предположил он. — Заметал, так сказать, следы?

— Возможно, — мадам Помпадур иронично ухмыльнулась. — Но отчего же он не довел дело до конца? Грязь-то всё равно осталась. Нелогично.

— Преступный элемент вообще народ лишенный логики, — авторитетно провозгласил Корсаков. — Я самолично одного изловил: тот после душегубства сел обедать и приговорил все припасы в доме. А после завалился спать и храпел так неистово, что мы его по звуку и обнаружили. Прямо в той же квартире, подле остывшего тела. Представляете себе?

— Илья Ильич, вы — истинное сокровище! — весело рассмеялась мадам Помпадур. — Непременно поведайте мне эту историю во всех красках при следующей встрече. Я желаю знать подлинное имя этого гения, его адрес и, главное — чем именно он потчевал себя на обед.

Корсаков снова вспыхнул до самых корней волос, расплылся в улыбке, но тут же померк под взглядом Волкова, который, казалось, вознамерился прожечь в подчиненном дыру.

— Вернемся к делу, — сухо оборвал их следователь. — Вы закончили осмотр?

— Почти, — девушка отошла от окна к умывальнику в углу. Старый, эмалированный, с медным краном, намертво привинченным к стене. Подле него стоял пустой таз, опрокинутый кверху дном. Она приподняла крышку бачка и заглянула внутрь.

— Пусто, — констатировала она. — Совершенно сухо.

— Служанка, верно, опорожнила его во время уборки, — пожал плечами Волков.

— А имела ли она на то право? В приличных домах, господин следователь, прислуга неустанно следит, чтобы рукомойник был полон. Это не прихоть, а священная обязанность.

Гость пришел, пожелал омыть руки — вода должна быть в избытке. А здесь ни капли. И таз сух. Почему?

— Почему? — внезапно встрял заинтригованный Корсаков.

— Потому что убийца использовал эту воду, — сказала она тихо. — Набрал из рукомойника в таз и утопил профессора. А потом вылил на него воду, поставил таз на место и ушёл.

— Но служанка...

— Служанка убиралась утром. Она могла не заметить, что воды нет. Или заметила, но не придала значения. Или...

— Или?

— Или она в стоворе, — мадам Помпадур покачала головой. — Но это вряд ли. Такая сложная схема с участием прислуги обычно проваливается. Слишком много свидетелей.

Она отошла от рукомойника, снова остановилась у стола. Волков между тем подошел к рукомойнику.

— Думаю, — задумчиво протянул он, — надпись сделана после убийства. На дне таза нет следов сажи.

— Значит, послание для нас, — подхватила мадам Помпадур.

— Почерк убийцы...если бы я составляла психологический портрет...

— Вы составляете? — Волков подошёл ближе, встал напротив, и теперь их разделял только угол стола.

— Пытаюсь, — она смотрела на выжженную надпись. — Человек, который это сделал, — не наёмный убийца. Он не профессионал. Он действовал на эмоциях, но при этом продумал детали. Смирительная рубашка, таз, надпись... Это не просто убийство. Это наказание.

— Наказание?

— Он хотел, чтобы профессор понял, за что умирает. Чтобы видел, чувствовал, но не мог пошевелиться. Чтобы последнее, что он увидел перед смертью, было...

— Что?

— Не знаю, — она подняла на него глаза. — Но это что-то важное. Что-то, что должно было сказать профессору: «Вот за это!».

Волков поднял на нее взгляд.

В полумраке кабинета, при тусклом свете октябрьского дня, сочившемся сквозь мокрые стёкла, она казалась совсем другой. Не той капризной дивой, что дразнила городских, и не насмешницей, доводившей его до бешенства. Перед ним был человек, искренне стремящийся понять. Увидеть. Сложить разрозненные осколки в единое полотно.

Она перехватила его взгляд и внезапно улыбнулась. Совсем не так, как прежде. Теплее. Почти доверительно.

— Что? — осведомилась она шепотом. — У меня кончик носа в саже?

— Нет, — выговорил он, не в силах отвернуться.

Корсаков, наблюдавший за этой немой сценой с открытым ртом, вдруг спохватился и суетливо зашелестел страницами.

— Я тут всё фиксирую, — провозгласил он неестественно громко. — На всякий случай. Вдруг для дела присовокупим.

— Илья Ильич, вы мой герой. Когда я снишу славу великого сыщика, непременно возьму вас в конфиденты.

— Вы удивительная женщина, — выдохнул Корсаков с глубоким чувством.

Помпадур моргнула, выныривая из мимолетной задумчивости, и в миг обратилась прежней собой — насмешливой, легкой, невозможной.

— Илья Ильич, вы мне льстите. Но умоляю: не при муже.

— При каком муже? — окончательно смешался письмоводитель.

— При этом. Он нынче на редкость хмурый. Боюсь, приревнует, — лукаво указала она на Волкова.

Тот поперхнулся воздухом, чувствуя, как краска заливает шею.

— На чердак, — выдавил он севшим голосом. — Вы изволили видеть на чердак.

— Изволила, — охотно согласилась она. — Ведите же.

Чердак встретил их затхлым дыханием сырости, мышинового помета и старой пыли.

Лестница оказалась предательски крутой, почти отвесной, а ступени жалобно стонали под каждым шагом. Мадам Помпадур решительно подобрала юбки и ухватилась за перила, взбираясь наверх с такой поразительной легкостью, будто чердачные прогулки входили в её ежедневный моцион. Волков следовал за ней, яростно проклиная себя за то, что взгляд его то и дело соскальзывал со ступеней на мелькание кружев, изящную щиколотку и то, как шелк обрисовывал...

Он оступился.

— Осторожнее, господин следователь, — донеслось сверху насмешливое предостережение. — Здешние ступени коварны. Рухнете, я вас не подниму.

— Я справлюсь, — буркнул он.

— Уверены?

Он предпочел не отвечать.

На чердаке было темно. Корсаков зажёл фонарь, осветил круг на полу.

Он был начерчен мелом — неровный, кое-где стёртый, но всё ещё различимый. Диаметр около двух аршин, с двойной обводкой, как любят делать начинающие. Вокруг располагались огарки свечей, оплывший воск, растёкшийся по доскам белыми пятнами. В центре лежало пустое блюдце, перевёрнутое вверх дном.

Мадам Помпадур опустила на корточки прямо в пыль, не обращая внимания на юбки, провела пальцем по меловой линии.

— Странно это всё, — протянула задумчиво она.

— Что именно?

— Весь этот круг, — она обвела рукой чердак. — Для спиритического сеанса нужно, чтобы кто-то искал контакта. Кто-то, кто хочет поговорить с мёртвыми. Вызывающий, медиум, группа людей. А здесь пустота. Никто не сидел, не ждал, не вызывал. Просто круг и свечи.

— Марко сказал, ему заплатили.

— Вот именно, — она повернулась к нему. — Кто-то заплатил Марко, чтобы он оставил здесь следы спиритизма. А потом убил профессора, обставив всё как месть духов. То есть убийца хотел, чтобы вы подумали на медиумов.

— Что и произошло.

— Что и произошло, — кивнула она. — Вы подумали на меня. И на Марко. И если бы я была чуть глупее или чуть трусливее, я бы сейчас сидела в камере и ждала суда.

Она помолчала, глядя на круг.

— Убийца знал о Марко. Знал, где его найти, как заказать работу. Знал, что Марко не откажется от денег и не спросит лишнего. Знал, что вы выйдете на него.

— Откуда?

— А вот это, господин следователь, — девушка подняла на него глаза, — самый главный вопрос.

Они стояли вплотную. Фонарь в руках Корсакова дрожал, отбрасывая на стропила длинные, ломаные тени, которые казались живыми свидетелями их шепота.

— Убийца, — сказала она тихо, — кто-то из своих. Кто-то, кто знал, как работает полиция. Кто знал, что Марко идеальный козёл отпущения. Кто знал про некие эксперименты профессора. Про воду. Про смирительную рубашку... К слову, истинная суть этих экспериментов уже установлена?

— Еще нет, — Волков нахмурился, глядя на зыбкий свет. — Вы полагаете, след ведет в Академию?

— Или не выходит за порог этого дома, — она на мгновение умолкла, вслушиваясь в скрип половиц где-то внизу. — Мне решительно необходимо побеседовать с вдовой. И с дочерью.

— Мы уже беседовали.

— Вы беседовали, — поправила она. — Как серьезные господа в мундирах. А они вам рассказали то, что можно рассказывать серьезным господам в мундирах. Всё самое хорошее и милое.

— А вы? — Волков недоверчиво хмыкнул.

— А я, — она одарила его мимолетной улыбкой, — поведу беседу по-женски. Вы поразились, господин следователь, какие бездны открываются, когда одна женщина доверяется другой.

— Позвольте, я буду подле вас.

— Непременно, — она вновь взяла его под руку. — Куда же я теперь без своего конвоира.

Они спустились. Внизу, в прихожей, их поджидала вдова. Мария Ивановна Брелова оказалась женщиной сухой и высокой; черное шерстяное платье, наглухо закрытое до самого подбородка, делало её фигуру похожей на погребальную стелу. Серебряные нити седины были строго зачесаны в тугий узел, обнажая высокий лоб, изрезанный глубокими бороздами морщин. Взгляд её был устремлен куда-то поверх посетителей, точно там, за их плечами, таилось нечто куда более значимое, чем живые люди.

Она замерла, скрестив руки на груди, всем своим видом выказывая готовность к новым неприятностям, кои неизменно приносят незваные гости. Мадам Помпадур выпустила локоть Волкова и сделала мягкий шаг навстречу.

— Мария Ивановна, простите великодушно, что я врываюсь в ваш дом в такое время. Я понимаю, как вам тяжело, и не займу много времени.

Вдова смотрела на неё настороженно, исподлобья.

— Вы кто?

— Я — мадам Помпадур, — сказала она просто. — Та самая, про которую ваш покойный муж писал в газетах.

Вдова вздрогнула, побелела.

— Вы... — прошептала она. — Вы та самая шарлатанка?

— Та самая, — нежно улыбнулась мадам Помпадур. — Но я не за деньгами, Мария Ивановна. Я за правдой. И, кажется, вы — единственная, кто может мне её рассказать.

Вдова изучающе разглядывала девушку. Её выцветшие, с красными от бессонницы веками глаза вдруг наполнились слезами.

— Проходите, только ради бога — тише. Анна спит, ей совсем худо в последние дни.

Мадам Помпадур обернулась к Волкову и едва слышно шепнула:

— Подождете здесь?

Он коротко кивнул. Она скользнула за дверь гостиной, и шелест её юбок замер в густой тишине прихожей.

Волков остался в мрачном холле, разглядывая на стене портрет молодого человека в военном мундире. Корсаков неловко топтался подле, не зная, куда пристроить блокнот и погасший фонарь.

— Герман Константинович, — вкрадчиво прошепестел помощник, — а она ведь... ничего, правда? Хватка у неё, прямо скажем, министерская.

Волков не удостоил его ответом. Он думал о том, что сейчас, кажется, начинается самая странная часть этого расследования. И о том, что ему почему-то совсем не хочется, чтобы она заканчивалась.

Глава 6. Вдова

Гостиная, в которую пригласила мадам Помпадур Мария Ивановна, оказалась комнатой, где время словно остановилось лет двадцать назад.

Тяжёлые портьеры цвета увядшей розы были задёрнуты не до конца, и сквозь щель сочился бледный, рассеянный свет. В нём комната казалась аквариумом на дне мутной реки — всё плыло, колебалось, теряло очертания.

Тяжёлая, тёмная мебель с резными ножками и высокими спинками была явно куплена ещё при Николае Павловиче и с тех пор не менялась. Диван с потёртой обивкой, два кресла в таком же плачевном состоянии, этажерка с пыльными фарфоровыми безделушками. На стенах висят несколько фотографий в рамках чёрного дерева: молодые люди в военных мундирах, девушки в кружевных платьях с турнюрами, вышедшими из моды ещё в прошлом десятилетии. Ни одной свежей — всё жёлтое, выцветшее.

Пахло здесь нафталином, старой тканью и то ли лекарствами, то ли просто сыростью, которая въелась в стены за долгие годы.

Мария Ивановна жестом указала мадам Помпадур на кресло, сама села на диван, выпрямив спину так, будто аршин проглотила. Её руки, с крупными суставами и вздутыми венами, лежали на коленях неподвижно, словно музейные экспонаты.

— Слушаю вас.

Мадам Помпадур опустилась в кресло, оправила юбки. С минуту она молчала, разглядывая вдову с выражением спокойного, почти сочувственного интереса.

— Мария Ивановна, — сказала она наконец, — я понимаю, мой визит может показаться вам странным. Учитывая, что ваш покойный муж...

— Да, — перебила вдова. — Я знаю, что он о вас писал. Не надо объяснять.

Она помолчала, без стеснения разглядывая платье мадам Помпадур.

— Я не разделяла его убеждений, знаете ли. Считала это... как бы помягче... чудачеством. У каждого мужчины должны быть свои чудачества. Кто-то пьёт, кто-то играет в карты, кто-то охотится. А мой — писал статьи про вред спиритизма. Могло быть хуже.

— Вы удивительно снисходительны, — подняла бровь Мадам Помпадур.

— Я жена, — просто сказала Мария Ивановна. — Тридцать два года. За это время привыкаешь к любым чудачествам.

— Вы его любили?

Взгляд вдовы потяжелел.

— Какое это имеет отношение к его смерти?

— Самое прямое, — мадам Помпадур подалась вперёд. — Потому что убийца — не случайный человек. Это кто-то, кто его ненавидел. Или кто-то, кто его боялся. Или кто-то, кто хотел ему отомстить. Чтобы понять, кто это, мне нужно знать, каким он был человеком. Не профессором — человеком.

Вдова долго не отвечала. Пальцы её на коленях дрогнули, сжались, разжались.

— Я его любила, — сказала она тихо. — По-своему. Не так, как в молодости, когда сердце колотится и в глазах темнеет. А так... спокойно. Привычно. Он был частью моей жизни. Частью этого дома. Когда его не стало, дом опустел. Даже если мы последнее время почти не разговаривали.

— Почти не разговаривали?

— Он был занят, — вдова пожала плечами. — Работа, академия, эти его статьи... Он приходил поздно, уходил рано. Мы виделись за ужином, говорили о погоде, о здоровье Анны, о том, что пора бы починить крышу. И всё.

— И вас это устраивало?

— А что значит устраивало? — вдова вдруг горько улыбнулась. — Вы замужем, сударыня?

— Нет.

— Ну и не лезьте тогда с советами. Тридцать два года брака — это не роман в стихах. Это привычка. Терпение. Умение не замечать того, что не можешь изменить. Я не ждала от него признаний в любви под луной. Я ждала, что он придёт к ужину и не будет ворчать, что суп пересолен. И он приходил. И не ворчал. И меня это устраивало.

— Мария Ивановна, — сказала мадам Помпадур, меняя тон, — я хочу предложить вам одну вещь. Вы можете отказаться, я не обижусь.

— Какую?

— Я могу провести спиритический сеанс. Здесь и сейчас. Вызвать дух вашего мужа.

Вдова посмотрела ей прямо в глаза. Взгляд её выцветших, с красными прожилками глаз стал цепким и колючим.

— Вы, сударыня, — сказала она медленно, — надо мной издеваетесь?

— Ни в коей мере.

— Я, может, и не учёная, как мой покойный, но тоже не вчера родилась. Вы думаете, я сейчас обрадуюсь, уши развешу и выложу вам все семейные тайны, лишь бы с мужем поговорить?

Мадам Помпадур не нашлась с ответом. Её план рушился на глазах.

— Не выйдет, голубушка, — продолжала вдова. — Я мужа своего тридцать два года знала. Он, может, и грубиян был, и зануда, и с этой своей антиспиритской дурью меня достал до печёнок. Но я его уважала. И себя уважаю. Не надо мне тут сказки рассказывать. Я в них не верю.

— А во что вы верите? — тихо спросила мадам Помпадур.

— В факты, — вдова откинулась на спинку дивана. — В документы. В то, что можно пощупать руками. Я жена учёного, сударыня. За тридцать два года наслушалась всякого. Вашими фокусами меня не проймёшь.

— Что ж, — вздохнула она Мадам Помпадур, — попытка не пытка. Простите, если обидела. Я не со зла.

— Знаю, — вдова чуть смягчилась. — Вы ищете убийцу. Я понимаю. Но я вам не помощница.

— Скажите хотя бы, — мадам Помпадур помолчала, — тяжело было жить с человеком, который требовал идеального порядка во всём?

— Какого порядка? — уставилась на неё вдова с неподдельным недоумением.

— Ну... — мадам Помпадур повела рукой. — В кабинете у него всё разложено по стопкам, книги ровными рядами, бумаги под линейку. Маниакальная аккуратность.

Вдова моргнула раз, другой.

— Вы про Иннокентия? — переспросила она. — Про моего мужа?

— Да.

— Сударыня, — Мария Ивановна покачала головой, — вы, видно, не того профессора имеете в виду. Мой муж был таким неряхой, что я за голову хваталась. Бумаги везде, книги на полу, в кабинет зайти страшно — всё разбросано, всё вверх дном. Бывало, ищет что-нибудь второпях, полчаса по комнате мечется, чертыхается, а я ему: «Иннокентий, положил бы сразу на место, не искал бы теперь». А он только рукой машет. Какой там порядок!

Мадам Помпадур замерла.

— Но в кабинете... — начала она.

— А что в кабинете? — насторожилась вдова.

— Вы... — мадам Помпадур сглотнула. — Вы убрали все бумаги?

— Какие бумаги?

— Рабочие. Записи. Переписку.

— А, это, — вдова махнула рукой. — Приходил тут один, из академии. Забрал.

— Кто приходил?

— Да коллега его. Григорий Львович... фамилию уж не припомню. Высокий такой, худощавый, с бородкой клинышком. Очки носит, как все они, учёные. Он пару раз у нас ужинал, они с Иннокентием потом в кабинете запирались допоздна, всё обсуждали что-то, спорили до хрипоты.

— Когда он приходил?

— Да через несколько дней после похорон. Сказал, что Иннокентий оставлял важные документы в академии, а часть, может, и дома держал. Попросил посмотреть, нет ли чего. Я его в кабинет пустила, но сама не пошла, больно жутко там после всего... — она передёрнула плечами. — Он сам искал, сам собирал. Потом вышел с портфелем, поблагодарил и ушёл.

— Вы не видели, что он забрал?

— А зачем мне? — вдова пожала плечами. — Я в этих бумагах всё равно ничего не смыслю. Да и не хотела я в тот кабинет заходить, если честно. До сих пор не захожу. Горничная убирается, я — ни ногой.

— Скажите, Мария Ивановна, а вы сами не интересовались, над чем именно работал ваш муж?

— Не интересовалась. Он не любил рассказывать. Говорил, всё равно не пойму. А я и не спорила. У каждого свои дела.

— А про дочь? — мадам Помпадур решила сменить тему, чувствуя, что большего о коллеге сейчас не вытянет. — Как она?

Вдова мгновенно замкнулась, лицо её стало каменным.

— Анна нездорова.

— Я слышала, — ответила Мадам Помпадур, стараясь говорить как можно мягче. — Мне очень жаль. А что с ней?

— Это к делу не относится.

— Мария Ивановна, я понимаю ваши чувства, но убит ваш муж, и любая мелочь может...

— Я сказала, не относится, — вдова поднялась с дивана, продолжив тоном, не терпящим возражений. — Анна больна. Очень больна. И я не позволю чужим людям совать нос в её страдания. Вы поняли меня, сударыня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.